

*Мы можем эти девственные формы
Еще хоть не надолго удержать.
Ёсимунэ Мунэсада*

Донн Ф. Дрэгер
Классические будзюцу
Боевые искусства и боевые пути Японии

Первое издание - 1973 г.

*Японские слова приведены в написании, принятом для русского языка. Японские имена и фамилии даны как принято в Японии, то есть сначала фамилия, потом имя.
©Перевод с английского Е.Ю. Гупало, 2000*

Об авторе:

Донн Ф. Дрэгер был офицером военно-морских сил США и историком в области боевых искусств, по которым получил ряд высоких степеней. Его учителями были М. Накаяма, Р. Отаке и другие известные мастера. Д. Дрэгер был техническим директором журнала Martial Arts International, написал много книг по боевым искусствам Азии. Он умер в 1982 году.

Оглавление

Часть первая. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БУДЗЮЦУ	3
Глава первая. ВОИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЯПОНИИ	3
Глава третья. РАЗВИТИЕ БУДЗЮЦУ	24
Часть Вторая. ОРУЖИЕ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ	28
Глава четвертая. КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ	28
Кэндзюцу.....	28
Иай-дзюцу	29
Содзюцу.....	30
Нагината-дзюцу	31
Глава пятая. ШЕСТ И ПАЛКА.....	31
Бодзюцу	31
Дзёдзюцу	32
Тэцубо-дзюцу.....	32
Глава шестая. СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА	33
Глава седьмая. КОМБИНИРОВАННОЕ ОРУЖИЕ	34
Ниндзюцу	34
Кусаригама-дзюцу	35
Тэссэн-дзюцу.....	36
Глава восьмая. БОРЬБА.....	36
Ёрои куми-ути.....	36
Ходзё-дзюцу.....	37
Глава девятая. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСКУССТВА.....	38
Бадзюцу	38
Ядомэ-дзюцу	38
Суйэй-дзюцу	39
Эпилог. КЛАССИЧЕСКИЕ БУДЗЮЦУ СЕГОДНЯ	40

Часть первая. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БУДЗЮЦУ

Глава первая. ВОИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЯПОНИИ

Цивилизация возникает потому, что ее возникновение дает военное преимущество
Вальтер Бэйджхот

За последние несколько десятилетий процессы перемен в японском обществе интенсифицировались настолько, что во многом грозят обеднить наши знания о традиционных общественных институтах. И поэтому очень важно, чтобы была написана книга (пусть даже большинство рассматриваемых в ней вопросов получают лишь косвенное освещение) об одном из наиболее противоречиво истолковываемых сегодня институтов древнего японского общества. Этот институт оказал влияние на культуру практически всех слоев японского общества, и поэтому появление такой книги совершенно оправдано. Конечно же, ни один отдельный класс японской нации не имел монополии на ямато дамасии («японский дух»), но вряд ли какой-то другой слой японского общества столь же полно его проявлял как класс воинов. Рассмотрение того, чем это было обусловлено, поможет нам глубже понять, что сделало Японию такой, какой она была в прошлом, какой является сейчас и какой станет в будущем.

Эта книга представляет собой рассказ о классическом японском воине. Писатели, жившие в относительно спокойные времена, наступившие уже после эпохи ренессанса классического воина, использовали в своих произведениях идеализированный образ, олицетворявший такие качества, как преданность, честь, отвага, уверенность в себе, самопожертвование и бескорыстное служение. Конечно, исторические хроники изобилуют примерами, иллюстрирующими такие замечательные качества, к тому же было бы чрезвычайно несправедливо предполагать, что кодекс воинской этики нарушался чаще, чем соблюдался; однако факт остается фактом -- вопиющие нарушения кодекса воина, сохраненные историей, свидетельствуют о том, что он отнюдь не являлся незыблемым законом. В этой книге автор лишь пытается проделать небольшую брешь во времени, сквозь которую читатель мог бы безо всяких эмоций, взглянуть на классического японского воина.

Поскольку авторское видение этой книги ни в коем случае не предусматривало исчерпывающей полноты изложения материала, то все скучные описания военных действий, которыми изобилуют военные хроники, не вошли в нее, за исключением некоторого количества эпизодов, иллюстрирующих отличительные черты японских воинских искусств. Более того, автор старался тщательно избегать невразумительных философских разглагольствований, которыми злоупотребляют некоторые писатели в желании обосновать сдерживание воином своих боевых «аппетитов», поскольку основная цель данной книги заключается в том, чтобы дать возможность взглянуть на техническую сторону боевой культуры классического воина – будзюцу или воинские искусства.

Велизарий, выдающийся римский полководец времен императора Юстиниана, заметил, что «величайшее благословение - это мир, и с этим согласится любой, в ком есть хоть малая доля здравого смысла». Однако история - это кровавый путь, и, скорее всего, если бы войны стали невозможными или искусство их ведения оказалось утраченным, человеку пришлось бы заново открыть его, чтобы уберечь свою жизнь от скуки и деградации. И не имеет значения, согласимся ли мы с Жан-Жаком Руссо, утверждавшим, что война и цивилизация имеют общие корни, или с Фридрихом Ницше, заметившим, что война - это «облагораживающий опыт для всего человечества в целом» или предпочтем тезис Арнольда Тойнби о том, что войны - это «самые непосредственные причины»

уничтожения цивилизаций, в любом случае невозможно игнорировать готовность человека сражаться со своим ближним.

На вопрос, почему люди сражаются, до сих пор не было дано ни одного четкого и сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Люди сражаются со всем живым и уничтожают друг друга со времен первого доисторического конфликта. И неважно, является ли желание человека драться свойством человеческой природы или это детище цивилизации, в любом случае совершенно очевидно, что война - это модель поведения, от которой он не в силах избавиться. Похоже, что Плиний Старший был прав, когда писал, что «только одному жалкому животному, человеку, в силу своей внутренней природы суждено прожить всю жизнь в войне».

Некоторые рассматривают человеческую драчливость как инстинкт, который не в состоянии подавить никакая культурная обусловленность. Другие полагают, что люди вступают в конфликт друг с другом в результате влияния окружающей среды. Как бы там ни было, очень сложно не согласиться с мнением Томаса Гоббса, для которого «единственной формой социальных взаимоотношений людей является война». Единственное, что можно с уверенностью сказать по поводу всего этого, как бы это тривиально не звучало - война является проявлением жизни, и зачатки воинственности дремлют в каждом человеке до тех пор, пока не появится нужный стимул.

Человек во все времена проявлял склонность к изобретению инструментов и способов ведения войны; ни одна раса не была настолько примитивной, чтоб не иметь оружия. Оружие и способы ведения боевых действий существовали еще задолго до того, как возникли нации, а вскоре после возникновения наций война стала использоваться как инструмент национальной политики, оправданный нуждами государства; последние логически обосновывались такими универсальными понятиями, как справедливость, власть или дальнейшее эволюционное развитие. Таким образом, нет ни одного современного государства, которое не имело бы военной традиции, тесно связанной с самим существованием этого государства.

Военная традиция занимает выдающееся место в истории и культуре Японии. Статуэтки из древних могильников эпохи хан ива отражают культуру и дух воина. Мифология Синто рассказывает о насильственном объединении Японии императорским кланом. Самые ранние письменные источники, такие как «Кодзики» (восьмого века («Записи о делах древних»)), «Нихон сёки» («Хроники Японии»), «Когосюи» («Записи о древней истории») и «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), все содержат упоминания о более ранней воинской культуре. В «Манъёсю», поэтической антологии, мы находим упоминание о масурао, мужественном воине: «масурао но киёки соно на». Это означает, что честь воина должна быть незапятнанной, обязанности должны быть выше прав, и что храбрость - это аспект преданности.

Чувства и эмоции, характерные для этого раннего периода, в конце концов, перестали оказывать этическое воздействие на индивидуальное сознание, вместо этого они превратились в условности, продолжавшие существовать в форме неких идеалов; они прославлялись в литературе периода Камакура (1186-1336 гг.): «Хогэн Моногатари» («Сказание о войне Хогэн»), «Хэйдзи Моногатари» («Сказание о войне Хэйдзи»), «Хэйкэ Моногатари» («Сказание о доме Тайра»), «Гэмпэй Сэйсуйки» («Записи о подъеме и падении Минамото и Тайра») и «Адзума Кагами» («Зеркало Восточной Земли»).

Внимательное изучение ранней японской литературы, и в особенности упомянутых выше гунки моногатари («военных повестей»), откроет нам очень важный факт: несмотря на тенденцию литературы такого рода создавать благоприятное впечатление о классе воинов, примеры вероломства, трусости, предательства и корыстолюбия превалируют над примерами проявления высших качеств.

Вряд ли можно на самом деле понять или оценить японцев и их страну в целом, не обладая определенным знанием об их воинской культуре. В то же время, вряд ли можно

обвинить японцев в том, что антропологи называют «ритуальной войной». Этот термин относится к традиции определенных народов, которые воспринимают войну, как нечто большее, чем неизбежное зло. Для таких народов мир означает застой общества, который, в конечном счете, приводит к разрушению. Под ритуальными войнами подразумевается регулярное проведение войн, без которых общество просто не может обойтись. Обычная война имеет совершенно иное обоснование, она носит мирской характер, а не священный, как война ритуальная. Однако для того чтобы ритуальная война могла считаться законным институтом, она должна возникнуть из доисторической традиции. Данные о доисторической Японии, которыми мы располагаем, не дают нам никаких свидетельств о том, что ранние поселенцы японских островов были чрезмерно воинственны или вели войны таких масштабов, что их можно было бы отнести к разряду ритуальных. Более того, такие антропологи, как Морис Давье, считают, что воинственность желтой расы гораздо ниже, чем воинственность белой и черной рас.

Хотя конечно нельзя отрицать, что древние японцы обладали склонностью к воинскому делу. Но, похоже, что они понимали боевые действия несколько иначе, чем их рассматривают многие другие народы, превратив их в дисциплины скорее метафизические. К VIII-IX вв. нашей эры японцы, затратив массу сил и энергии, начали изготавливать стандартное оружие из стали, однако до нас не дошло ни одной технической записи, которая указывала бы на то, что к этому времени уже были разработаны систематические методы боевой подготовки воинов. Только в двенадцатом веке, с приходом класса воинов к политической власти, японцы начали проявлять то, что можно было бы назвать склонностью к ритуальным войнам. Толкователи японской истории очень часто не могут понять разницу между классическим воином и современным солдатом. В самом деле, многих современных японцев научили верить в то, что солдат нашего времени представляет собой точное воплощение воинского духа прошлого. Такое прискорбное положение дел отражает точку зрения людей, которые судят о вещах по единичным, разрозненным фактам, делают необоснованные обобщения и обладают лишь поверхностным знанием о японской воинской культуре. Поэтому вторая цель этой книги заключается в том, чтобы продемонстрировать, что есть существенная разница между классическим японским воином и его современным двойником, солдатом.

И хотя военная история Японии охватывает примерно два тысячелетия, лишь в течение очень непродолжительного периода времени классические воины действовали как мощный единый институт. Насколько недолгим был этот период, становится ясно после внимательного изучения истории Японии; именно из-за этого короткого отрезка времени историки и другие писатели склонны приукрашивать этот уникальный институт. Если предположить, что все японские воины представляли собой единую группу, объединенную общими принципами и идеалами, то можно очень легко упустить из виду тот факт, что на протяжении всей истории Японии, воинами становились представители различных социальных слоев. Делали они это по разным причинам, использовали разное оружие (и, следовательно, использовали различные техники, стратегии и тактики), движимы они были различными этическими принципами, пользовались различными правами и привилегиями и имели различные политические взгляды. Эти различия ни в коем случае нельзя игнорировать. В интересах точности их нельзя смешивать вместе одним широким обобщением.

Слово буси - это общий термин, обозначающий японского воина; однако не всех японских воинов можно назвать буси. Этот термин используется только по отношению к воину-аристократу дофеодальной и феодальной Японии (с девятого по девятнадцатый век). Но даже в этот период времени были воины, которых нельзя было назвать буси: например солдаты, рекрутированные в шестнадцатом веке в армии Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Затем, буси середины и конца периода Токугава (1603-1868 гг.), не владевшие никакими воинскими искусствами и становившиеся буси лишь по праву

рождения, не заслуживают этого названия, ни по своим воинским, ни по моральным качествам.

Также существовало множество других уровней или рангов буси, которые зависели от социального статуса воина, его воинских заслуг и расположения к нему сёгуна. Самурай- это всего лишь один из таких рангов, и далеко не самый высший. Первоначально, до периода Камакура, термин самурай использовался применительно к слугам, которые обслуживали знать. Единственное, что их связывало с воинским окружением, так это то, что они обычно собирались возле сторожевых домиков, где размещались воины в ожидании приказаний своих начальников. Даже когда термин стал распространяться на определенный класс воинов, что произошло примерно в четырнадцатом веке, значение «служения» полностью не исчезло. Поэтому было бы ошибкой называть всех воинов самураями или допускать, что самураи, как группа, правили японской нацией, будь то в периоды военного правления, либо в любое другое время.

Таким образом, дать точное определение классического воина довольно сложно. Этот особый институт не так-то просто поддается точному определению. Тем не менее, поскольку в этой книге мы ограничиваемся рассмотрением именно классического воина, с точки зрения его оружия и боевых искусств, то мы обязаны определить, что же мы понимаем под этим термином. Если говорить просто, то классический воин - это тот тип воина, который достиг своего расцвета при военном правлении (бакуфу) Минамото Ёритомо, установленном в Камакура в конце двенадцатого века. Это было первое в истории Японии правительство, состоящее исключительно из профессиональных воинов. После смерти Ёритомо в 1199 году, влияние клана Минамото в военных вопросах значительно снизилось и вся социальная, экономическая и политическая структура нации изменилась.

Частично из-за того, что в вопросах лояльности акцент был перенесен с личной преданности, которая требовалась от воина при Ёритомо, на преданность всему институту, классический воин уступил свою абсолютную власть, новому типу смешанного гражданского и военного руководства. Вскоре к власти пришел воин нового типа; он являл собой наихудший образчик предательства, вероломства, анархии, алчности и коррупции, который когда-либо только знала Япония.

Тем не менее, мы не можем просто вырвать часть из календаря истории и использовать только вырванную часть для определения классического воина. Если мы так сделаем, то тем самым придем к ложному выводу о том, что ни один воин, действовавший на исторической сцене до или после этого периода времени не является классическим. Воины времен Ёритомо были людьми большой моральной силы, наиболее сдержанные и наименее легкомысленные из всех японских воинов. Их вдохновляющие подвиги, которые они совершали, следуя своему предназначению, изменили ход японской истории. И не удивительно, что эти могучие люди очень быстро стали традиционной моделью воинской силы и добродетели для всех последующих поколений японских воинов; то есть для тех, кто уважал эти традиции и следовал им вопреки социальному и экономическому давлению, направленному против них. За исключением отдельных воинов (выдающимся примером которых может служить герой четырнадцатого века Кусуноки Масасигэ) и отрядов их ближайших последователей, период с тринадцатого по семнадцатый века стал периодом разобщенности классических воинов. Возможность использования их как реальной силы значительно уменьшилась, поскольку они растворились среди более слабых воинов. В неразберихе, которая царила в государственном аппарате, значительно ослабленном сражающимися за власть фракциями, бразды правления, в конце концов, попали в руки тех, кто утопил классических воинов в их собственной крови и остановил их мечи «мерзкой селитрой» пороха. Произошел военный переворот.

Это правительство было военным только по названию, за исключением разве что самых первых лет бакуфу Токугава (1603-1868 гг.). Более двух столетий объявленной Токугава изоляции от иностранного влияния прозвучали погребальным звоном по классическому воину. Сочетание в правительстве гражданских должностных лиц и воинов, разочаровавшихся в классических воинских традициях, полностью изменило его структуру, и, в конце концов, во второй половине девятнадцатого века, когда классический воин и его место в обществе стали анахронизмом, он был предан забвению, как кондотьер (солдат-наемник) Италии периода Возрождения. Классический воин был сразу же заменен солдатом-гражданином, призывавшимся в армию на основании закона о всеобщей воинской повинности; в такой армии воин классического типа встречался чрезвычайно редко. Однако мы должны ясно понимать, что классический воин, как тип, существовал как до, так и после времен Ёритомо, хотя, конечно, и не в качестве абсолютного правящего класса страны. Фактически, классический тип воина существует даже сегодня.

Еще одна важная цель этой книги - подчеркнуть неточность тех, кто относит все японские воинские искусства к одной категории, называя всю их совокупность просто «боевые искусства». Читатели обратят внимание на то, что в этой книге не упоминаются такие широко известные дисциплины, как дзюдо, каратэ-до, айки-до и кэндо. Фактически ни одна из так называемых форм доне представлена в этой книге. Это сделано сознательно. Существует огромная разница между будзюцу или воинскими искусствами и будо, воинскими путями. Будзюцу представляют собой боевую систему, разработанную воинами для воинов, цель которой - самозащита, как отдельной личности, так и группы в целом. Будо - это духовные системы, которые не обязательно были разработаны воинами или для воинов. Их цель в самосовершенствовании личности. Поскольку будо развивались уже тот в период, когда классические воины не выступали в роли лидеров политических и социальных институтов власти, то их (будо) рассмотрение выходит за рамки этой книги и будет предпринято в следующем томе. Читатель должен как следует усвоить основное различие между этими двумя широкими категориями; в противном случае просто невозможно будет четко понять ту часть японской культуры, которая связана с воинскими искусствами.

Очень сложно передать внутреннюю природу будзюцу классического воина, которые он развил и использовал в период своей наибольшей боевой активности. Это отчасти потому, что мы слишком удалены от той феодальной эпохи, но также еще и потому что мы склонны полагаться на источники, которые имеют минимальное отношение или не имеют такового вообще к реалиям жизни классического воина.

Недостатка в информации о классическом воине нет, но большая часть того, что о нем было написано, равно как и информация, передаваемая устной традицией, основывается на искаженных и сознательно подтасованных фактах. Многое из того, что называется «историей», было записано в мирное время учеными, которые в силу того, что им не были доступны достоверные источники, не могли прийти к верным заключениям. Военная история (да и любой другой источник, повествующий о воинах [хотя и в гораздо меньшей степени]), может быть совершенно ненадежной. Определенная часть военной истории, равно как и часть воинского искусства, создается лишь ради поддержания репутации, сохранения секретов или сокрытия фактов предательства, и всегда с оглядкой на возможную в будущем войну.

Любители военной культуры, а особенно апологеты буси, обычно описывая славные дела прошлого, не скупаются на гиперболы. Полагаясь в своей работе больше на собственное рвение и энтузиазм, чем на реальное знание, они подолгу распространяются о том, что такое отвага, преданность, дисциплина или мастерство. Добродетели, проявленные на поле битвы многими, обобщающе переносятся на немногих, в попытке сохранить образы национальных героев. Строгие критики военной культуры усердно

работают над тем, чтобы разрушить такие монументы славы. Они приводят факты, изображающие буси людьми бесчувственными, получающими удовольствие от человеческих страданий, или вовсе безумными - символами варварства и жестокости. Также неверны оценки тех исследователей, которые описывают буси только с эстетической точки зрения; они успешно отвлекают внимание публики от всего, кроме правильного или прекрасного.

Ни одна из этих ограниченных точек зрения не верна. Самое важное перед лицом настолько противоречивых фактов сохранять интеллектуальную честность. Мы должны попытаться увидеть буситеми, кем они были на самом деле, а не пытаться сделать из них тех, кем они по нашему мнению должны были быть. Буси были людьми, а не сверхлюдьми. И хотя как воины они определенно выходили далеко за рамки нормы, тем не менее тоже имели недостатки и слабости, присущие обычным людям, которые лишь до определенной степени компенсировались их сюгё(суровой дисциплиной). Поэтому мы должны тщательно выбирать только те источники, которые менее всего искажают реальность. Метод, который я выбрал в своей книге, основывается главным образом на специальных фотографиях. Я полагаю, что это надежный метод, который даст читателям возможность изучить классических воинов и увидеть их несколько более ясно и глубоко.

Одним из основных наших первоисточников (при достаточно критическом их использовании) могут быть воинские рю. В английском языке нет слова, которое могло бы правильно и адекватно передать смысл этого термина, но для удобства мы будем рассматривать рю как воинскую традицию. По сути дела, рю - это своего рода корпорация, переходящая от одного ведущего мастера к другому по линии прямых или не прямых родственных связей (сэй) или неродственных связей (дай).

Для того чтобы полностью понять, что такое рю, читатель должен представить его себе, как нечто обладающее своей собственной индивидуальностью, которая включает в себя индивидуальности всех тех, кто составляет рю. Рю «живет», «дышит» и «действует», подобно наделенному сознанием существу, но полное проявление его силы выходит далеко за пределы человеческого сознания. Основание рю всегда связывают с божественным наставлением (тэнсин сё), явленным основателю (сёсэй или сёдай) и поэтому элементы мистицизма и сверхъестественности пронизывают все рю. Все основатели рю, помимо того, что руководствовались божественным наставлением, были воинами, гениями военного дела, которые после долгих лет строжайшей дисциплины, чувствовали вдохновение сформулировать технические особенности своих рю. Особенность учений рю заключается в том, что они открывают свою сущность только тем, кто на деле доказал, что он стоит того жизненно важного знания и опыта, которые воплощены в этих учениях. И поскольку каждое рюсмогло возникнуть лишь милостью божественного проведения, то оно само и все его члены защищены божественной силой, которая проявляется через оракула в синтоистском храме. Ранее существовало около девяти тысяч различных воинских рю, но не все они сохранились до наших дней. К сожалению, не было обнаружено ни одного документа, в котором говорилось бы о дофеодалных (то есть существовавших до четырнадцатого века) рю, поэтому нам остается полагаться только на документы феодального периода. Также не все рю были связаны с правительством, императорским двором или бакуфу - военно-административным правительством; поэтому боевые достоинства таких рю очень трудно оценить. Целый ряд рю был создан после того, как феодальная эпоха закончилась, такие рю не представляют существенного интереса для нашего исследования и поэтому не рассматриваются, поскольку классические воины больше не представляли сколько-нибудь влиятельной силы. К тому же, из феодальных рю я выбрал только те, которые, на мой взгляд, претерпели меньше технических изменений со времен своего наибольшего расцвета.

Каждое феодальное рю хранит свою историю, традиции, технические особенности и реальные боевые техники. Все это записано в форме маки моно («рукописный свиток»). Маки моно считаются сокровищами рю, и поскольку они отражают божественное проведение, вызвавшее к жизни само рю, то почитаются как реликвии и тщательно оберегаются. И хотя историческая ценность маки моно (для изучения японской воинской культуры) огромна, содержание этих свитков ни в коем случае не предназначалось для людей, не входящих в рю; поэтому их содержание недоступно для простого изучения. Даже если бы маки моно были открыты для изучения, то исследователи (даже японские) вряд ли смогли бы расшифровать их. Каждое рю для записи технических особенностей, характерных только для данного рю, использовало тайный язык, диаграммы и символы, которые не доступны пониманию тех, кто не обладает достаточным опытом и не является последователем рю.

Современные специалисты, изучившие феодальные рю, также являются ценным источником информации в вопросах изучения японского боевого прошлого. На этих людях лежит чрезвычайно тяжелое бремя моральной ответственности - сохранить учения своих рю в неискаженном виде; современное общество оказывает на них сильнейшее давление, желая заставить их поступиться своими традициями. Но когда мы ближе знакомимся с повседневной жизнью немногих сохранившихся настоящих представителей воинской культуры, мы начинаем понимать, что истинная сила классического воина коренится в безыскусном патриотизме, строгой дисциплине, умеренной жизни и неустанных занятиях будзюцу.

Эти люди демонстрируют, как тренировались и сражались классические воины. В динамических исполнениях различных компонентов будзюцу, показанных на фотографиях этой книги, феодальные воины обретают новую жизнь, и воинские искусства прошлого раскрывают свои глубины.

Нам вполне понятно, что для классического воина сражение не было простым испытанием боевого мастерства и выносливости; прежде всего, оно являлось проблемой этического порядка, разрешение которой требовало следования строго определенным правилам. Из-за своих неизменных традиций, оружия и боевых навыков классический воин совершенно не был приспособлен для захватнических войн на чужой территории, но зато идеально подходил для войны с себе подобными. На чужой земле он мог встретиться с воинами, которые воспитывались на других этических принципах, традициях, верованиях и способах сражения, и которые не видели никакого смысла в том, чтобы придерживаться японской манеры ведения войны. Такой враг, скорее всего, одержал бы победу над буси с его издавна устоявшимися и неизменными привычками. Это неоднократно подтверждалось военными поражениями, нанесенными японцам в прошлом на азиатском континенте. Поэтому классический воин ограничивался боевыми действиями внутри своей страны.

Еще одним ценным источником информации о традиционной воинской культуре являются муся-э, гравюры, изображающие воинов. Из тысяч подобного рода гравюр я выбрал такие, которые изображали бы классических воинов, использующих характерное оружие. Этими гравюрами я хотел дополнить фотографии современных представителей будзюцу. Для нашего исследования совершенно не важно насколько эти картины эстетичны, и соответствуют ли они каким-либо критериям и требованиям, выдвигаемым знатоками искусств. Нам важно лишь быть уверенными в том, что художники обладали достаточным знанием предмета, чтобы не допускать технических ошибок.

Используя класс воинов в качестве объекта изобразительного искусства, художники рисовали яркие картины тренировок и сражений. Эти гравюры производят настолько сильное впечатление, что кажется, будто воины тех далеких феодальных времен оживают, чтобы еще раз продемонстрировать свое боевое мастерство и рвение. У нас создается впечатление, что во времена классического воина сражение сопровождалось

множеством ситуаций, подвергавших человека самым жестким испытаниям. Изучая эти гравюры, мы воочию видим, как воины натягивают свои луки и вытаскивают мечи из ножен. И в самом деле, невольно возникает чувство, что это на нас направлены их угрожающие взгляды и сверкающие клинки. И нет совершенно никакой необходимости напрягать свое воображение, чтобы представить себе событие, увековеченное на гравюре.

Когда эти гравюры сочетаются с фотографиями современных последователей воинских рю, воплощающих в себе тип классических воинов, то действиям современных бугэй-ся (мастеров будзюцу) как бы передается героический дух тех, кто изображен на гравюрах, тот дух, который мастера двадцатого века пытаются сохранить. Таким образом, посредство камеры прошлое и настоящие соединяются воедино.

Глава вторая. КЛАССИЧЕСКИЙ ВОИН В ИСТОРИИ

Но более всего способствует величию империи то, что нация считает умение обращаться с оружием основным предметом своей гордости и самой почетной профессией.

Фрэнсис Бэкон

Древние японцы, до того как стать профессиональными воинами, занимались охотой и земледелием; но даже тогда они были постоянно готовы в случае необходимости защищать себя с оружием в руках. Выполняя божественную волю или пытаясь извлечь экономическую выгоду, защищая репутацию, честь и престиж какой-нибудь группы или просто ища приключений, японские воины с доисторических времен собирались под различными знаменами. Борьба за доминирование между локальными группами породила множество соперников, стремящихся к лидерству, а их вооруженное противостояние в свою очередь переросло в амбиции общенационального масштаба, для реализации которых были необходимы хорошо тренированные воины.

Появление воинов, известных как классические буси, было обусловлено военной необходимостью с одной стороны и экономическими и социальными факторами, возникшими после падения монархической формы правления, с другой.

Уже к девятому веку нашей эры, результатом вооруженной борьбы и разногласий, характерных для раннего японского родоплеменного общества, стало появление профессионального воина; этот факт превратил оружие и боевые навыки в условие выживания общества.

В десятом веке военная профессия была утверждена как привилегия, переходящая по наследству. Более того, каждый воин воспринимал сражение также как и его праотцы: легко прогнозируемый факт, неоднократно повторявшийся в прошлом и неизбежный в будущем. Позднее, в двенадцатом веке, в условиях полнейшего беззакония и коррупции, царивших при пришедшем в полный упадок дворе, возглавляемом кланом Тайра, Минамото Ёритомо (1147-1199гг.) собрал вместе крепких провинциальных буси. Он использовал их боевое мастерство для того, чтобы сокрушить Тайра и навести в стране порядок. Тем самым Ёритомо сделал буси бесспорными правителями нации.

Бакуфу Ёритомо размещалось в Камакура, вдали от столицы страны, Киото. Это было продиктовано главным образом его желанием изолировать своих воинов от пагубного влияния придворного общества. Он был свидетелем того, насколько быстро придворная жизнь подточила боевую силу его врагов-предшественников, Тайра, и Ёритомо хотел избежать их участи. Его бакуфу, каждый его административный и исполнительный орган, представлял собой поистине военный институт, первейшей заботой которого были дисциплина и благополучие буси, чьи ряды значительно увеличились. Но, несмотря на ярко выраженную военную ориентацию, правление Ёритомо было справедливым по отношению к другим сословиям. Его правление стало для

японского народа коротким периодом процветания и мира, какого они раньше не знали. После того как он официально получил от императора титул первого пожизненного сёгуна, или главнокомандующего, Ёритомо стал мощной военной силой императора и защитником двора; по сути же дела он стал абсолютным правителем Японии.

Будучи сёгуном, Ёритомо издал указ о том, что все его приемники на этом посту должны быть из рода Минамото. Он начал строить систему власти, которая сохранила бы процесс прямого наследования. И Ёритомо имел прочный психологический фундамент для строительства такой системы, поскольку японскому народу присущи такие черты, как повиновение лидеру, чрезвычайное чувство гордости за свою причастность к определенной группе, согласие с социальным и политическим неравенством, высокое уважение к боевой доблести и признание обязанности подданных быть преданными своему правителю.

Провинциальные буси, которых собрал Ёритомо, были грубой, необразованной массой, разнородной смесью воинов, которым была абсолютно чужда сама мысль об объединении кланов в одну централизованную силу. Более того, концепции лояльности по отношению к верховному правителю практически не существовало; кроме нескольких избранных буси, удостоенных привилегии служить охраной при дворе, провинциальные буси едва ли вообще знали о существовании императора. Они были выходцами из аристократических семей и царящее в восточных сельскохозяйственных районах беззаконие (а в северных районах - необходимость защищаться от нападений Айну) требовало непрерывного развития воинских искусств. В силу того, что буси всегда приходилось полагаться только лишь на себя, они стали независимы от государства. Поскольку все провинциальные буси испытывали одинаковые трудности, сражаясь за свое существование, то они уважали традиции родоплеменного общества, такие как глубокое чувство преданности. Между этими буси и их непосредственными начальниками не было большой пропасти, поскольку их предводители были людьми такой же отчаянной храбрости и крепкой боевой закалки. Среди провинциальных буси было достаточно отважных людей, но были среди них и трусы. Были и такие, которые шли на огромный риск ради славы и чести. Если буси были храбрыми, преданными и благородными в своих действиях, то они были такими до конца, и сплоченность людей таких высоких моральных качеств была настолько сильной, что целые группы, даже целые кланы, могли погибнуть, защищая свои земли.

Ёритомо восхищался такими качествами и требовал их от своих буси. Он осознавал, что для многих буси его времени было типично нарушать данные обязательства, не повиноваться начальству, переходить на сторону врага, меняя тем самым ход сражений и ставить материальные выгоды выше преданности. Ёритомо проявил огромную проницательность и завоевал расположение провинциальных буси. Но он никогда не рассчитывал на то, что буси будут ему верны только из моральных соображений; нет, он очень хорошо вознаграждал всех буси за достойную службу, присваивая своим воинам новые звания и подтверждая их права на землю, которой они уже владели.

Ёритомо избегал мобилизаций, он доверял только профессиональным воинам, выходцам из военных семей или членам избранных групп, состоящих в основном из потомков аристократических родов. Он очень хорошо понимал разницу между солдатом, мобилизованным на военную службу, и профессиональным бойцом; первый представлял собой лишь временного воина, вынужденного в силу обстоятельств подчиняться военной дисциплине, а второй посвящал своей профессии всю свою жизнь и добровольно подчинялся всем ее требованиям. Профессиональные воины сражаются, потому что это их привычка, выработанная жесткой дисциплиной; они представляют собой послушный инструмент и поэтому на него можно положиться при любых обстоятельствах.

Поскольку Ёритомо требовались буси самых лучших качеств, то он примирился с некоторыми из своих бывших врагов. Он принимал в свои ряды тех выдающихся вражеских воинов, которые после своего поражения клялись ему в верности, и в искренность которых он верил. Ёритомо признавал даже предательские действия, если они совершались в его интересах. Иида Горо Изёси сражался против Ёритомо в битве при Исибасияма, но повернул против своего командира, как раз в то время, когда тот намеревался нанести Ёритомо решающий удар; Ёритомо наградил Изёси и принял его в свои ряды. Но предательство ради награды вызывало у него ярость. Кирю Рокуро принес голову своего командира, Фудзивара Тосицуна, которого Ёритомо разыскивал, и попросил награду. Ёритомо отказал ему, объявив его поступок низким, а затем приказал обезглавить. Ёритомо настолько ценил истинную преданность, что когда Тайра Сигэхира был схвачен и доставлен к нему для вынесения приговора, то он освободил воина Тайра после того, как тот сказал, что скорее умрет, чем присоединиться к Ёритомо и тем самым предаст свой клан.

В то время как военные вожди прошлого, как правило, полагались только на буси своих собственных кланов и исключали из своих отрядов всех остальных, Ёритомо ценил и приветствовал услуги всех достойных людей, не задавая вопросов об их происхождении. Все преданные буси становились его непосредственными товарищами, абсолютно равными потомственным буси из его собственного клана. Он представлял себя вождем всех воинов, и тем самым завоевал доверие многих. Ёритомо имел полный военный контроль практически над всеми буси, он также имел абсолютную гражданскую власть: назначал и снимал чиновников своего бакуфу, жаловал земли и пр., подтверждал право воинов на владение землями, лишал воинов права собственности и предпринимал другие карательные действия, направленные против них, а также требовал от вассалов таких даров и услуг, какие он считал необходимыми для блага бакуфу. Ёритомо сохранял за собой право назначать избранных им буси должностными лицами, ответственными за сбор налогов и поддержание порядка. Он даже контролировал выбор женщин, на которых должны были жениться его буси.

Буси рекой стекались под его белое знамя; большинство из них привлекала простота его правления. Некоторых вдохновляло исключительно военная сторона правления Ёритомо; другие были менее идеалистично настроены и видели практические выгоды в процветании бакуфу, от которого зависели их звания, права и материальные ценности. Тем не менее, все буси, одни руководствуясь страхом, другие восхищением, считали Ёритомо достойным титула сёгуна и абсолютного правителя.

В общем, можно сказать, что с точки зрения лояльности действия Ёритомо воплощали те принципы, следования которым он требовал от своих буси. Для воинов в бакуфу не могло быть двойной лояльности. С теми, кто делил свою лояльность, обращались очень сурово, как, например, в случае с Огино Горо Тосиасигэ, который был обезглавлен за то, что покинул своих товарищей и дезертировал при Исибасияма. Всех буси предупреждали, что они должны посвятить свои жизни только Ёритомо, как сёгуну, и поэтому лояльность имела прямой и личный характер. Верность буси принималась официально, когда бегун подтверждал его права на владение землями или допускал его присутствие в своей свите в Камакура. Личная честь была еще одним важным этическим аспектом неписанного кодекса, которого придерживались все буси бакуфу Ёритомо. Концепция чести сделала преданность обязательной в абсолютистской системе Ёритомо. Нарушение неписанного кодекса ложилось несмываемым пятном на честь буси, смыть которое могла только смерть. Буси могли предоставить право сохранить свою честь, совершив сэппуку (ритуальное самоубийство путем вспарывания живота, в просторечии известное как хара-кири, «разрезание живота»).

Ёритомо считал, что все буси должны быть полностью ему покорны. Тайра Хироцунэ поплатился жизнью за то, что не разделял этой точки зрения. Он был

преданным последователем Ёритомо, но при этом несколько самонадеянным. Однажды при встрече с Ёритомо он отказался спешиться; позже, когда Хироцунэ выразил свое несогласие с тем, что некоторые буси получили от Ёритомо награду, его по приказу Ёритомо убили. Ёритомо был чрезвычайно требователен к общественному поведению своих буси. Самэсима Сиро во время торжественного обеда напал на своего приятеля буси, и в наказание ему отрубили палец правой руки. Буси, которых объявляли вне закона, после поимки обезглавливали, а тех, кто убивал таких буси, щедро вознаграждали.

В силу моральных обязательств, существовавших между ним как сёгуноми буси, Ёритомо мог казнить своих людей, если сомневался в их преданности. Его младший сводный брат и самый выдающийся полевой командир, Ёсицунэ, в 1189 году был убит по приказу Ёритомо, подозревавшего Ёсицунэ в устройстве заговора против него. Говорят, что Ёритомо даже соблазнял дочерей и жен самых верных своих воинов, чтобы испытать их преданность. Буси, которым наносили такое оскорбление, ничего не могли с этим сделать. Любое заметное проявление неудовольствия моментально вызывало у Ёритомо ярость. Поведение сёгуна считалось обоснованной причиной для того, чтобы буси покинул своего верховного вождя. Если бусине одобрял действий сёгуна, то он скорее предпочитал совершить сэппуку, чем пойти против воли своего августейшего повелителя. Такое поведение было идеалом практически для каждого буси. Но на практике, как и в случаях почти со всеми идеалами буси, так поступали очень редко.

Один из наиболее интересных моментов японской истории - это перемены, произошедшие в воинской культуре после смерти Ёритомо. Некоторые из них были такими же очевидными, как политическая ошибка бакуфу - пренебрежение необходимостью назначить компетентного буси-сёгуна, другие были более тонкими, например, сдвиги в этическом мировоззрении. Эти перемены затрагивали самые основы и имели решающее значение.

Несмотря на то, что клан Ходзё, который взял в свои руки управление бакуфу после смерти Ёритомо в 1199 году, выработал хорошо отлаженную форму правления, которая принесла японской нации почти целый век законности и порядка, политическое равновесие в стране было нестабильным. Причина такого положения была в том, что лидеры каждого структурного компонента, составляющего правительство, не могли завоевать такого же уважения буси, какое имел Ёритомо. В Киото находился император, чье право на власть было центральной доктриной национальной религии Синто; в Камакура также находился правитель, чье право управлять зависело от боевой силы армии, которая была в его распоряжении, готовая ответить на любой вызов двора или кого бы то ни было еще. Когда эта сила уменьшилась, двор, никогда не оставлявший надежд восстановить свою власть, увидел в этом возможность, которую ни в коем случае нельзя было упустить. Тот факт, что приемники Ходзё, которые вначале славились своей справедливостью, в конце концов, опустились до взяток и прочих злоупотреблений властью, послужил еще одним стимулом к активным действиям для тех, кто добивался свержения олигархии в Камакура и уничтожения стоявшего во главе ее клана Ходзё.

Система управления Ёритомо представляла собой простой треугольник взаимоотношений, в котором Ёритомо, как сёгун, занимал вершину. Стороны этого треугольника - добродетели: честь и верность, а основание - будзюцу. И поэтому когда Ёритомо не стало, и его приемники уничтожили в этом треугольнике честь и верность, которые он тщательно и постепенно вводил в кодекс буси, осталась только жесткая основа треугольника - будзюцу. Лишенное этической поддержки чести и верности, будзюцу перестало быть связанным какими-либо условиями, и поэтому легко могло быть использовано как за, так и против бакуфу.

Ходзё контролировали двух сыновей Ёритомо, Ёриизэ и Санэтомо, которые по очереди занимали пост сёгуна, и оба проявили полную некомпетентность как правители. Ёриизэ в 1204 году был сослан, а позже убит Ходзё; Санэтомо был убит сыном Ёриизэ в

1219 году. Последующие сёгуны, назначаемые Ходзё, не были из числа буси. Хотя они и были знатного происхождения, но очень часто оказывались умственно и физически слабыми. Эти номинальные бегуны были полностью подвластны клану Ходзё, представители которого занимали пост регентов. Некоторые регенты Ходзё были способными администраторами, но всем им не доставало твердости руки первого сёгуна Минамото. Последний регент, Ходзё Такатоки (1303-1333 гг.), вступил в эту должность в возрасте тринадцати лет и поручил исполнение своих обязанностей бездарным подчиненным, в то время как сам проводил время, развлекаясь собачьими боями, попойками и танцовщицами.

Таким образом, во время регентства Ходзё пост сёгуна стал всего лишь символом, а не инструментом власти; они по своей прихоти могли посадить или снять человека с этого поста. Но если Ёритомо использовал добродетель чести для того, чтобы связать вместе верность и воинский пыл, то его приемники Ходзё этого не делали. Абсолютное пренебрежение последних регентов Ходзё этическими принципам вызывали ярость большинства буси. Пытаясь направить боевой пыл буси в русло эстетических изысков, требующих академического образования, Ходзё еще больше отдалились от них; непривычность для большинства буси интеллектуального ландшафта гарантировала провал этой политики. После Ёритомо воцарилась обстановка относительной недисциплинированности, при которой отношения между бусии бегуном не были четко регламентированы; они не были ни личными, ни прямыми. Ходзё серьезно опасались того, что их влияние значительно уменьшится, если буси будут напрямую связаны с сёгуном, поскольку как регенты сёгуна они являлись узурпаторами власти, поддерживаемыми главным образом членами их собственного клана. Они не могли требовать лояльности всех буси, как это делал Ёритомо, а с течением времени Ходзё разделили высшие посты бакуфу с членами других ведущих кланов, обладавшими большими амбициями. Для бакуфу Ходзё было характерно коллективное управление. Буси внушалась мысль о верности институту - бакуфу- а не лично сёгуну. За этим, естественно, последовала разобщенность в решении национальных проблем.

Этот сдвиг в лояльности не принес буси ничего хорошего. Лишь несколько сотен буси были готовы обнажить свои мечи в защиту номинального лидера, который не смог сохранить суровых традиций воинов, и еще меньшее количество буси желало быть верными организации, которую возглавляли люди, значительно уступавшие им в воинском искусстве. Поэтому когда Ходзё арестовали и несправедливо обошлись с Ёриизэ, Идзуми Тикахира, который был личным слугой сёгуна, совершил *coup d'etat* (государственный переворот), также как это в свое время сделал Миура Мицумура, когда Ходзё свергли его молодого господина, Фудзивара Ёрицунэ, ставшего бегуном в возрасте восьми лет.

Провинциальные буси были рассеяны по огромной территории, и многие крупные воинские семьи были географически изолированы друг от друга. Только самые влиятельные из них имели непосредственный контакт с сёгуном. Бакуфу, которое во времена Ёритомо было патерналистским, при господстве Ходзё стало по природе своей бюрократическим. Для большинства буси это означало, что исполнительная власть закрыла для них свободный доступ даже к самым заурядным органам управления бакуфу, которое они должны были поддерживать.

Временная отмена традиции первородства особенно навредила сохранявшейся длительное время лояльности сёгуну. Землевладельцы делили свои владения без согласия сёгуна, и каждый новый землевладелец управлял теми, кто жил на его землях. Большая степень свободы, предоставленная буси в вопросах отмены и пересмотра своей политики, отречения от детей и лишения их наследства, разделения своих земель между членами семьи, как состоящими в кровном родстве, так и приемными, также ослабила власть сёгуна над ними. Более того, практика раздела земель уменьшала экономические ресурсы

многих буси, а это, помимо того, что делало их должниками государства, вызывало у них беспокойство и тем самым превращало их в потенциальный источник беспорядков.

Связи с бегуном были еще больше ослаблены политикой бакуфу Ходзё, которая позволяла буси признавать одного из лидеров Ходзё своим личным начальником, отказываясь при этом от своей верности сёгуну. Такого рода смены вассальной зависимости стали обычной практикой. Бакуфу признавало и поощряло такие переходы, полагая, что независимо от того, какого начальника выберет себе буси, в конечном счете, он все равно останется под юрисдикцией бакуфу, которое являлось правителем всей структуры буси. Лишь нелояльность, связанная с несправедливым отречением от своего начальника (например, отказ от верности начальнику с сохранением земель, пожалованных им), предательскими действиями или восстаниями против бакуфу или неподчинением законам бакуфу влекла быстрое возмездие со стороны правительства.

Конечно, это неоспоримый факт, что эгоистичные и корыстные желания некоторых буси повинны в распространении привычки открыто не повиноваться своим начальникам. Но также было множество случаев, когда буси, занимавшие руководящие должности, были небезупречны в своих действиях, а граничащая с самопожертвованием верность, проявленная их последователями, оказывала разрушительное воздействие на национальное единство. Несмотря на то, что начальники действовали неэтично, их верноподданные вели себя, как и подобает верноподданным, и не протестовали. Пост-ёритомовские времена характеризовались разногласиями как между буси, так и среди простолюдинов и это стало немаловажным фактором. Мирное правление Ходзё незаметно породило национальное сознание, и теперь появилось общественное мнение. Чрезмерно амбициозные буси стали явно враждебно относиться к таким вещам, как право на наследование титула сёгуна или регента, а также совершенно не интересовались такими вопросами, как политическое единство нации и должен ли император править или только царствовать.

Различные беды, преследовавшие слабого сёгуна и еще более слабый двор, благоприятствовали установлению независимого класса военных правителей, каждый из которых имел свою собственную территорию. Но ни один из таких правителей не мог чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока не собирал под своими знаменами большого количества воинов, профессией которых стало постоянное совершенствование в будзюцу. Было очевидно, что в условиях, когда сама законность бакуфу была под вопросом, такая форма правления долго не просуществует, если сильный лидер-буси не возьмет контроль в свои руки.

Общая опасность в виде двух вторжений в Японию монголов в конце тринадцатого века временно отодвинула на второй план растущий антагонизм буси по отношению к бакуфу. Мужество буси в сочетании со стихийными бедствиями в виде двух тайфунов отбросили монгольские армии назад на азиатский континент, отбив у них всякое желание впредь бросать вызов Японии.

Во время и после монгольского вторжения буси осознали, что их вера в эффективность тактики поединков один на один чуть не обернулась катастрофой, поскольку монголы были специалистами по массовым сражениям. Лишь только фанатичная решимость буси не позволить монголам собрать воедино всю свою кавалерию спасла положение. Массивная каменная стена высотой в десять футов, которую буси воздвигли вдоль побережья залива Хаката на острове Кюсю, оказалась бесценной, поскольку она в значительной степени помешала монгольской кавалерии скоординировать свои действия. И поэтому способ возведения полевых укреплений или тикудзё-дзюцу стал одним из ответвлений будзюцу, которое стали изучать по-новому.

После того как их прямое вторжение было остановлено каменной стеной, монголы попытались обойти японцев с флангов. Орды китайских воинов, нанятых монголами специально для нашествий, погибли от рук искусных буси, орудовавших острыми как

бритвы мечами. Тем не менее, китайцы отлично владели копьями. В результате среди буси возник интерес к копьям. Буси, с другой стороны, в высшей степени успешно управлялись с оружием, похожим на алебарды, нагамаки и нагината. Когда монгольские всадники попытались обойти стену, их встретила японская пехота, которая просто рубила коням ноги и добивала падавших на землю всадников.

Одним из результатов монгольского вторжения стала модификация доспехов, которые использовали японские воины на протяжении веков: они стали более легкими и менее сковывающими. Также были укорочены и облегчены мечи, для того чтобы с ними быстрее можно было управляться.

Подготовка бакуфу к защите от возможных в будущем вторжений монголов продолжалась почти два десятилетия после того, как в 1281 году было отбито второе нашествие. Затраты, необходимые для поддержания состояния готовности к войне опустошили казну как бакуфу, так и императорского двора. Частично по причине финансовых затруднений, а частично по причине крайнего недовольства своей участью тех буси, которые так ожесточенно сражались за свою страну, очень многие выступили против бакуфу. Профессиональные воины ожидали награды за свою службу, поскольку с самых ранних пор подобного рода услуги всегда очень хорошо материально вознаграждались. Даже во времена Ёритомо буси-победители получали долю военной добычи. Но меры, предпринимаемые против монгольского вторжения, были только оборонительными, поэтому не было никаких трофеев, которые можно было бы разделить. Многие буси были в большом долгу перед растущим классом простолюдинов, перед торговцами и ремесленниками, которые обеспечивали их товарами и деньгами, необходимыми для продолжения сражений.

Вдобавок многих буси открыто приводило в ярость то, что сёгун не был человеком, заслуживающим уважения; другие же просто ненавидели проводимую бакуфу политику выбора наследников трона. Ситуация стремительно двигалась к кульминации. В конце концов, предательский поступок генерала бакуфу, Асикага Такаудзи, который переметнулся на сторону императора, позволил императорским войскам в 1333 году свергнуть бакуфу, возглавляемое кланом Ходзё. Такаудзи повел себя еще более предательски, когда воспользовавшись недостатком у императора политической мудрости, изменил и ему, учредив свой двор и назначив верховного правителя, чем еще больше усложнил вопрос о законности императора. Этот раскол существовал более пятидесяти лет. Так Япония вступила в бурный период Асикага (1336-1568 гг.).

В это время таких воинов, как Кусуноки Масасигэ было немного. Масасигэ был воплощением воинской доблести и преданности, примером классического воина, которого не могли изменить ни превратности судьбы, ни процветание. Он встал на сторону императорского двора в то время, когда трон не мог рассчитывать на значительную военную поддержку со стороны класса воинов, и вместо этого полагался на армии сохэев, или воинов-монахов, из больших монастырей, а также на те провинциальные кланы, которые были либо разочарованы правлением Ходзё, либо арендовали земли двора и поэтому склонялись на сторону императора.

Бакуфу Ходзё быстро распознано в Масасигэ опасного врага и открыто объявило денежную награду за его голову. Любой человек, каким бы низким ни был его социальный статус, который доказал бы, что он убил Масасигэ, мог получить солидный участок земли. Это был отход от традиционной политики, проводимой Ёритомо и ранним бакуфу Ходзё, но Ходзё даже не осознали этого. Императорский престиж ни разу не пошатнулся, поскольку отвага и воинская находчивость Масасигэ принимали любой вызов. В Тихая, крепости на горе Конго, он доблестно оборонялся против решительного нападения сил бакуфу, сдерживая огромную армию с помощью горстки людей, вдохновленных его блестящей тактикой. Крепость Тихая так никогда и не пала. Обороняя

ее, Масасигэ продемонстрировал свою верность, без которой императорская сторона, без сомнения, проиграла бы.

Несмотря на то, что Масасигэ не любил своего командующего, Нитта Ёсисада, и не испытывал к нему доверия, он все равно оставался безоговорочно предан ему. В битве при Минатогава, когда Ёсисада под жестоким натиском врага увел свои войска и тем самым поставил Масасигэ под удар значительно превосходящих сил противника, сторонники императора проиграли. Масасигэ умер на поле битвы, предпочтя честно защищать грубую тактическую ошибку своего начальника, но не отступить в безопасное место.

Предательские поступки, подобные поступкам Асикага Такаудзи, снизили стандарты добродетелей буси. Теперь лояльность буси разделилась между поддержкой бакуфу с одной стороны и личными интересами с другой. Все этические ценности, которые когда-то были оплотом буси, оказались отброшенными. Преданность всегда была моральным долгом, но теперь, когда буси стали нарушать системы владения землей и налогообложения, она приобрела контрактный характер; нелегальная конфискация земли и освобождение от налогов - вот два из основных нарушений, которые совершались ради извлечения экономической выгоды. Лояльность подпитывалась благополучием и поэтому превратилось в жадность. Буси быстро рвали связи со своими начальниками и мирились со своими недавними врагами, чтобы оказаться на стороне победителей. Воинский пыл, который во времена Ёритомо воплощался в отчаянном пренебрежении к собственной безопасности в бою, поубавился, и многие буси теперь были отважными только тогда, когда это было выгодно. К тому же, практически ни у кого не было желания встречать лицом к лицу превратности судьбы, и не было никакого позора в том, чтобы дезертировать с поля боя и бросить тех из своих товарищей, которые не успели опередить их с отступлением. Самой главной заботой на поле боя стало остаться в живых, личная честь стала скорее вопросом академическим. Большинство буси периода Асикага были далеко не такими храбрыми, как воины прежних времен. Тем не менее, даже в этот период, когда всякие взаимные обязательства исчезли или были обменены на выгоды, некоторые буси стойко придерживались традиционных ценностей. Их имена навсегда запечатлены на страницах истории.

Старое общество исчезало, а вместо него стали появляться новые формы социальных связей. В результате ответственность прокладывания курса к объединению нации постепенно легла в основном на не-буси. Далее последовал позорный период сэнгоку дзидай («воюющих государств»), когда жестокость стала нормой жизни. С точки зрения будзюцу это была технически продуктивная эпоха, хотя с точки зрения этики она способствовала резкому снижению моральных стандартов буси. Японская воинская культура претерпевала радикальные перемены.

Первоначально популярность Асикага Такаудзи среди буси была ошеломляюще высокой, вероятно, потому что он сам был буси и притом удачливым полевым командиром. Он добился поддержки буси и основал бакуфу, с центром в Киото, официально получив от своего соверена титул сёгуна. Бакуфу Асикага признавало классические добродетели ничуть не больше, чем сам Такаудзи. Его бакуфу очень скоро присвоило себе все императорские prerogatives, вступив в период роскошной жизни и общего упадка морали, смягченного определенными успехами в интеллектуальной и эстетической сферах. Приемники Такаудзи на посту сёгуна вызывали еще меньшее восхищение, чем он сам.

Социальное положение сёгуна стало, по словам одного из придворных, «таким же незначительным, как птичка, перепархивающая с ветки на ветку». Власть бакуфу очень скоро уменьшилась настолько, что оно сохранило лишь номинальный контроль над центральными провинциями. Правосудие бакуфу стало чрезвычайно коррумпированным, а суды были завалены неразрешенными делами. Среди людей начались волнения, и после того как буси оставили свои посты в бакуфу, хаос, охвативший Японию, больше ничем

нельзя было остановить. Политическая власть попала в руки буси низших рангов и гражданских лиц. Подчиненные сбросили своих начальников и стали правителями в провинциях; крестьяне и горожане вели настолько жалкое существование, что поднимали одно восстание за другим, с оружием в руках отстаивая свои интересы. Это был период, когда каждый человек в своих действиях руководствовался личной выгодой. Даже придворные и сам бегун обнищали настолько, что утратили всякое достоинство.

Этот хаос спровоцировал самые революционные перемены, когда-либо происходившие в японской культуре. Одна их отличительных черт этого периода - появление даймё-могущественных землевладельцев, некоторые из которых являлись разбогатевшими различными способами (обычно путем коррупции или хитрости) буси, рангом от аристократов низкого социального уровня до фактических правителей независимых областей. Именно даймё повлияли на развитие различных аспектов японской феодальной культуры, включая и воинские рю.

Для того чтобы даймё мог контролировать свои территории и защищать их от посягательств других не менее амбициозных даймё (которые нередко прибегали к силе), ему необходимо было иметь в своем распоряжении постоянные отряды воинов. Буси составляли лишь часть этих отрядов. Появился новый класс воинов, известных как нобуси, «полевые воины», или асигару, «солдат-пехотинец». Эти люди (в основном выходцы из земледельцев) были слишком отважны, чтобы довольствоваться положением пешек в общенациональном хаосе, но у них не было возможности стать буси. Иногда среди них попадались надежные солдаты, но чаще всего это были хулиганы и грабители или наемники, избравшие авантюрную жизнь и предлагавшие свои профессиональные услуги и видимость лояльности любому, кто мог гарантировать им средства к существованию.

Даймё также понимали, что производительность их владений не сможет быть стабильной, если рабочая сила будет постоянно бунтовать из-за жестокого угнетения, поэтому они вели политику защиты своей рабочей силы от плохого обращения. Более того, они подняли престиж простолюдинов. Поскольку в условиях военной обстановки каждый человек становился воином, то даймё начали набирать на военную службу фермеров и крестьян, чтобы те служили вместе с буси и нобуси. Закаленные фермеры, пройдя минимальную военную подготовку, показали себя отличными бойцами; они очень быстро привыкли переходить со своих полей на поле битвы. Выступая в этой новой и важной роли, они получили название дзи-самураи, «фермеры-воины».

Таким образом, простолюдины, равно как и нобусии дзи-самураи, лишили буси монополии на военную профессию. Из этих простолюдинов получилась достаточно эффективная сила для будущих мятежей, возникавших всякий раз, когда на их жалобы и недовольство не обращали должного внимания. Иногда эта коллективная сила доставляла серьезные беспокойства лидерам Японии.

Классические буси теперь, когда даймё сформировали свои боевые силы, оказались в меньшинстве. Не устраивал их и тот факт, что простолюдины получили доступ к некоторым воинским рю. Но буси оставались непреклонными даже перед лицом потери монополии на военную профессию и уменьшения социальной пропасти между ними и простолюдинами. Одним социальным признаком, который отличал буси от простолюдинов, было право носить два меча; нобуси и дзи-самураям разрешалось носить только один короткий меч.

С течением времени нобуси и дзи-самураи становились все более и более необходимы армиям тех, кто предпринимал попытки объединить страну. Но для того чтобы сделать простолюдинов грозными бойцами, необходимы были специальные люди и средства. Средства появились раньше, чем люди; португальцы прибыли из Европы в середине шестнадцатого века и привезли с собой огнестрельное оружие. Это было первое огнестрельное оружие, которое увидели японцы.

Такэда Сингэн, родившийся во влиятельной воинской семье провинции Кай, одержал свою первую победу в возрасте двадцати лет, сражаясь с деспотичными воинами-землевладельцами на суровых просторах провинции Синано. Сингэн был выдающимся тактиком и решительным воином, который, несмотря на то, что сделал своими врагами одновременно такие мощные кланы как Ода, Имагава, Ходзё и Уэсуги, не проиграл ни одной из своих тридцати восьми битв. Сингэн специализировался на атаке. Во главе каждого из его четырех отрядов несли знамя, с написанным на нем девизом. Эти девизы гласили: «Быстрый как ветер», «Тихий как лес», «Поглощающий как огонь» и «Непоколебимый как гора». Воинов каждого отряда учили жить согласно его девизу.

Сингэн был уверен в том, что любую битву можно выиграть, если командир будет придерживаться хорошо продуманной стратегии. Когда офицеры спросили его, почему он не строит крепость, которая служила бы ему штаб-квартирой, Сингэн ответил: «Воин-лидер должен строить крепость в сердце каждого из его буси, и тогда она будет сильнее любой каменной крепости». Это замечание демонстрирует то значение, которое он придавал классическим добродетелям буси- верности и чести. Он требовал от всех своих воинов абсолютного следования этике классических буси, которую четко изложил в своем кодексе Кай но Гунрицу («Военная дисциплина Кай»). Но, несмотря на всю свою приверженность классическим воинским традициям, он не противился введению технических новшеств, если они обещали принести практические выгоды. Он весьма успешно использовал простолюдинов в своей армии, рекрутируя тех фермеров и нобуси, которые могли выдержать суровую воинскую дисциплину, царившую в его войсках. Сингэн также осознал важность огнестрельного оружия и даже создал рю, основанное на его использовании.

Уэсуги Кэнсин, даймё провинции Этиго, что расположена на западном побережье Японии, был гораздо менее талантливым тактиком, чем Сингэн, и поэтому в еще большей степени полагался на огнестрельное оружие. Он обещал награду тем крестьянам, которые присоединятся к его армии, и в результате набрал разнородную массу людей, одетых в ветхие доспехи и вооруженную чем попало. Но, несмотря на свои недостатки, крестьянская армия Кэнсина основательно трепала отряды Сингэна, состоящие из классических буси, однако ни одна из кампаний Кэнсина не принесла ему каких-либо конкретных побед.

Если таких буси, как Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин, можно обвинить в создании гибридных воинских систем, в которых классические традиции соблюдались лишь до определенной степени, то Ода Нобунага (1534-1582) можно назвать разрушителем классических традиций буси. Своим быстрым восхождением как государственный деятель-воин он вызвал одни из наиболее значительных перемен в японской воинской культуре.

Нобунага происходил из старинной семьи, которая поставляла людей на службу Асикага. Он унаследовал от своего отца провинцию Овари и успешно служил там в качестве предводителя нобуси. Престиж и сила правительства Асикага упали практически до нуля, и военные способности Нобунага привлекли внимание императора, который остро нуждался в ком-то, с чьей помощью он мог бы предпринять попытку умиротворения и объединения страны. Стратегия Нобунага привела к разрушительным результатам. Укрепив свои позиции в Овари, он захватил Киото; несколько позже, когда бегуну строил против него заговор, Нобунага сверг его и положил конец режиму Асикага. Нобунага правил железной рукой, но напряженные конфликты, возникавшие главным образом из-за даймё и их автономных владений, привели к периоду, когда верность и честь стали цениться еще меньше, чем раньше. Убил Нобунага его собственный генерал, Акэти Мицухидэ.

И хотя Нобунага никогда формально не изучал воинских дисциплин, он обладал способностью изобретать различные способы использования новых видов оружия,

которые самым убедительным образом доказали, что буси, придерживавшиеся классических будзюцу, в настоящем бою были менее эффективны, чем простолюдины, вооруженные огнестрельным оружием. При Нагасино, в 1575 году, нобуси Нобунага и его набранная из крестьян армия, использовав огнестрельное оружие, расстреляли один за другим все отряды классических буси под командованием Такэда Кацуёри.

Огнестрельное оружие, продемонстрировав свою эффективность, вызвало жаркие споры между буси. Классические буси утверждали, что теперь даже трус, вооруженный мушкетом, может победить самого отважного и искусного фехтовальщика. Убить врага издали - это одно, а сойтись с ним лицом к лицу и скрестить мечи - это совершенно другое. Сражение, по мнению классических буси, представляло собой упражнение в моральной отваге, проявляемой в физическом мастерстве. Соответственно, все защитники старой воинской традиции считали использование огнестрельного оружия тактикой трусов, не достойной настоящего воина. Многие из них отказались использовать огнестрельное оружие.

Но было и другое соображение, выдвинутое классическими буси. Использование огнестрельного оружия лишало человека возможности научиться тому, как сражаться врукопашную. Ставка на *corpus vile* (мушкет) привела бы к отмиранию традиционных боевых искусств. Некоторые буси удовлетворялись тем, что оставляли использование огнестрельного оружия нобуси и дзи-самураям, а сами полагались только на свои традиционные виды оружия. Многие из таких буси стали боевыми командирами нобуси и рекрутов армий даймё.

Несмотря на горячие протесты против использования огнестрельного оружия, этот вид оружия был безоговорочно признан составным компонентом будзюцу после победы Нобунага при Нагасино. В этом была четкая практическая целесообразность. Новое воинское искусство стало называться ходзюцу, или огненное искусство.

Типичного воина конца шестнадцатого века меньше всего интересовало, каким образом достигнута победа, если победа была на его стороне. Мушкет, особенно при использовании его против воинов, сражающихся традиционными видами оружия, являлся мощным и достойным уважения аргументом, дающим такое преимущество, что его не мог проигнорировать ни один военачальник. Еще одним практическим моментом было то, что на подготовку классических буси обычно уходило больше трех лет. В условиях постоянных и быстротечных войн, время, необходимое для такой тренировки, было непозволительной роскошью. Задержка с пополнением тренированных бойцов стоила очень дорого, в том смысле, что сражения в этом случае не имели никакого решающего значения. А простолюдина, вооруженного мушкетом, можно было превратить в эффективного воина меньше чем за полгода.

Стратегия ведения военных действий была изменена с тем, чтобы приспособиться к использованию огнестрельного оружия. Сэндзё-дзюцу, компонент будзюцу, рассматривающий тактику, и тикудзё-дзюцу, искусство возведения полевых укреплений, были пересмотрены по той же причине. Защитные доспехи попытались сделать чуть более прочными, чтобы они выдерживали попадание пули или картечи.

Тоётоми Хидэеси (1536-1598 гг.) был совсем не прочь наследовать Нобунагу (своему бывшему командиру) на политическом поприще. Отомстив за убийство Нобунага в битве при Ямадзаки, и став во главе огромной победоносной армии, стал действовать очень точно и сумел перехватить политическую инициативу; к концу шестнадцатого века ему удалось объединить страну. Этот выдающийся человек (Хидэеси не был буси) признан одним из величайших генералов Японии. Но если Нобунага допускал, чтобы простолюдины занимали руководящие должности в его правительстве и даже поощрял это, то Хидэеси был категорически против такой либеральной политики. И как следствие, он заложил основы японского милитаризма.

Даймё, которые продолжали разжигать интриги, стремясь получить экономические и политические преимущества, ставили под угрозу национальную стабильность. Для того чтобы пресечь такие попытки, Хидэёси нанес удар по самому источнику военной силы даймё- нобуси, наемникам и дзи-самураям, которые постепенно вытеснили армии буси. Он издал эдикт, запрещающий простолюдинам владеть каким бы то ни было оружием. Для простолюдинов, которые уже стали нобуси и дзи-самураями и служили даймё, было сделано исключение, отныне их следовало считать буси. Следующий эдикт запрещал социальную мобильность: ни один крестьянин не мог оставить свою работу и заняться торговлей или стать ремесленником, ни один бусине мог без разрешения покинуть своего непосредственного начальника; и ни один бусине мог сменить свою профессию и стать ремесленником или фермером.

Политика Хидэёси провела четкую линию между воинами и простолюдинами. В некоторой степени эта политика стала причиной того, что семьи потомственных воинов, проживавшие в сельской местности, пришли в еще больший упадок. Начиная со времен Хидэёси, должности в корпусе буси, вобравшем в себя множество простолюдинов, стали занимать люди, не имевшие ни малейшего профессионального интереса к классическим воинским традициям и методам.

После смерти Хидэёси Токугава Иэясу (1542-1616 гг.), генерал, выбранный самим Хидэёси для продолжения работы по объединению нации, взял верх над теми, кто стремился вырвать бразды правления из его рук. При Сэкигахара в 1600 году Иэясу одержал великолепную победу над своими врагами. После этого он установил в Эдо (ныне Токио) бакуфу Токугава и стал его первым сёгуном. Два непосредственных приемника Токугава управляли бакуфу в военном стиле, как это было при его основателе, но позже оно превратилось во что угодно, но только не в военное правительство. Несмотря на слабые попытки некоторых сёгунов, бакуфу почти полностью перешло под контроль гражданских должностных лиц, чья политика заключалась в том, чтобы парализовать инициативу простолюдинов, приучив их довольствоваться статусом кво. Их управление, слегка окрашенное неоконфуцианством, дало нации 265 лет относительного мира и стабильности, а также из-за строгой политики изоляционизма отгородило ее от всего остального мира. Тем не менее, начиная со времен правления четвертого сёгуна, стали очевидны растущие антиправительственные настроения.

Крах бакуфу в середине девятнадцатого века был вызван целым рядом причин, самой важной из которых было расхождение между буси и гражданскими чиновниками в вопросах монархической власти и вмешательства европейцев. С падением бакуфу многие феодальные институты прекратили свое существование, не стали исключением и воинские рю и будзюцу. Но выживание присуще будзюцу. Само по себе изучение самообороны, а, следовательно, и классических воинских искусств и их рю выдержало натиск времени.

Нам необязательно изучать японскую историю после падения бакуфу Токугава. Есть множество фактов, свидетельствующих о том, что период Токугава характеризовался отсутствием какой-либо поддержки в отношении классических буси и их традиций, а также демонстрировал общий упадок системы квази-буси. Краткое изложение некоторых основных черт воинской культуры периода Токугава позволит уловить контраст и различия между ними и традициями классических буси. В ходе великого конфликта между объединением и разрозненностью, открытостью и изоляцией, являвшегося отличительной чертой периода Токугава, классические воинские традиции стали неэффективны как управляющая сила и были замещены элементами, которые впоследствии оказались зернами современного милитаризма.

Попытки Хидэёси создать военное сословие не были новой идеей. Однако своими эдиктами, запретившими социальную мобильность и ношение простолюдинами оружия, Хидэёси снова вызвал к жизни то, что не было реализовано даже во времена Ёритомо:

создание абсолютной военной кастовой системы. До этого времени всегда существовала определенная социальная мобильность и никогда нарушение запрета на ношение или хранение оружия не каралось так строго.

Установление абсолютной кастовой системы является основной чертой милитаризма, и правительство Токугава, приняв эдикты Хидзэси, а затем ужесточив их последующими законодательными актами, построило милитаристское общество. Правительство продемонстрировало такие черты милитаризма, которых не хватало более ранним бакуфу. Оно собрало огромное количество буси и боевой техники исключительно для увековечения традиций, интересов и видов деятельности, которые на первый взгляд были связаны с воинскими дисциплинами, но на самом деле имели не только военное значение. Токугава создал свои армии для того, чтобы и в дальнейшем обеспечивать политическое влияние клана Токугава, а не для того чтобы вести войну. Поступая таким образом, он препятствовал проявлениям изобретательности и творческого воображения в воинском искусстве; такая политика в перспективе уничтожила бы воинское искусство.

В результате проведения подобной политики, правительство Токугава утратило социальное и политическое равновесие. Придавая слишком большое значение сохранению социальных классов, культа и наследственной власти, и полагаясь на привилегированный слой (не имевший должного социального обоснования) так называемых воинов, сёгунат породил самовлюбленный военный дух, что из-за нежелания правительства обращать внимание на реальное положение вещей привело к огромным затратам рабочей силы в непродуктивной сфере деятельности.

Буси бакуфу Токугава, за незначительными исключениями, можно охарактеризовать как выскочек, которые, будучи не в состоянии на законных основаниях доказать знатность своего происхождения, фальсифицировали генеалогические записи для того, чтобы добиться престижа, необходимого для получения высоких должностей в бакуфу. Эти тщеславные люди наслаждались любыми преимуществами над простолюдинами, забывая о том к какому социальному слою они сами в действительности принадлежали. Они угнетали тех, кто некогда был равен им по социальному положению, пользуясь полученным обманом путем старшинством. Они также укрылись за другими искусственными социальными и юридическими барьерами, такими как ложные заслуги и награды, напыщенные манеры, злоупотребления властью и незаслуженная воинская слава - отголосок прошлого, к которому они не имели никакого отношения. Даже лучшие из этих людей становились буси только по праву рождения, а не в результате долгой и активной военной службы, которая всегда была основным критерием, характеризующим классического воина. Хатамото («знаменосцы»), буси высшего ранга, являлись заслуживающим особого порицания социально бесполезным институтом, который лишь усиливал недовольство общественности политикой бакуфу Токугава. Те немногие подлинные классические буси, которые еще оставались, также не испытывали к бакуфу Токугава ничего кроме презрения, поскольку в нем было слишком много аморальных и эмоционально нестабильных людей, боявшихся войн и в мирное время занятых в основном тем, что как попугаи твердили о добродетелях классических буси, подразумевая, что эти добродетели их собственные.

Существует множество свидетельств того, что бакуфу Токугава стало этической и юридической смиренной рубашкой для класса буси. Бакуфу держало буси в постоянной занятости и финансовой напряженности. Помпезность и церемониальность, поддерживавшие такое положение дел в государстве, заставляли тех, кто стоял ближе всего к правительству, действовать очень властно. И это неизбежно должно было привести к ухудшению моральных качеств буси Токугава. К этому нужно добавить еще тот факт, что за период мира, который переживала нация, большинство буси Токугава стали ленивы. Наблюдая очевидное отсутствие у своих буси навыков в верховой езде, стрельбе, плавании, владении мечом и другими видами оружия, один очень рассерженный

бегун счел целесообразным вызвать провинциальных буси в качестве инструкторов будзюцу.

Буси Токугава прославились тем, что отнюдь не спешили проявлять свою отвагу, когда им предоставлялась возможность сразиться с кем-нибудь. Провинциальные буси, напротив, сохранили твердый воинский дух, поскольку жили в суровой среде. Вдали от городов, остатки классических воинских рю продолжали поддерживать в боях горячую веру в то, что такие добродетели, как верность и честь, являются неотъемлемыми чертами настоящего воина. Со временем их убеждения приобретут антиправительственную направленность и, в конечном счете, обусловят падение режима Токугава.

Общий упадок, в который пришло воинское искусство буси Токугава, можно проследить на примере модификации мицу-догу, трех классических видов оружия, использовавшихся для усмирения фехтовальщика. Это такие виды оружия как сасумата, вилообразное приспособление; содэгарамы, приспособление с зазубринами; и цукубо, Т-образное орудие. Каждый вид оружия имел длинное древко, для защиты того, кто им пользуется от клинка искусного фехтовальщика. В период Токугава эти виды оружия стали чисто декоративными предметами, очень немногие буси знали, как пользоваться ими в бою. Мицу-догу были заменены тремя другими орудиями: дзюттэ, вилообразная металлическая дубинка; манрики-гусари, отрезок утяжеленной цепи; и рокусяку-бо, тяжелый деревянный шест длиной шесть футов; за исключением последнего, радиус действия этих видов оружия был сравнительно небольшим, что требовало от использующего их подходить вплотную к человеку, которого необходимо было арестовать. В общем, эти три новых вида оружия использовались независимо друг от друга, что является скорее не свидетельством мастерства тех, кто использовал их, а показателем недостатка мастерства фехтовальщиков, которых арестовывали. Новое оружие задержания, за исключением шеста, оказалось бы совершенно неэффективным против классического фехтовальщика.

В период Токугава, когда в стране воцарился мир, и боевые доспехи стали покрываться пылью, начали процветать системы единоборств без оружия. Мастерское владение дзюдзюцу (общий термин, возникший во времена Токугава для обозначения различных систем, используемых в поединках, участники которых были минимально вооружены) стало мерилем боевых способностей. Во многих системах дзюдзюцу оружие вообще не использовалось. Техники этих систем основывались на абстрактных идеях, почерпнутых из китайской философии, и аксиома дзю ёку го о сэй суру, «гибкость подчиняет твердость», стала их лейтмотивом. Японцы расширили значение этой аксиомы, придав ей следующие значения: «мягкое побеждает твердое», «слабое обходит сильное» и «сила в податливости». В боевых техниках классических воинов всегда присутствовала определенная доля «гибкости» и «податливости», но в бою они никогда не полагались только на эти факторы. Акцент на подобных интеллектуализированиях привел к потере эффективности систем, основывавшихся исключительно на концепции «гибкости» и «податливости». Стремление классических воинов к эффективности боевого искусства сменилось удовлетворением от его ритмичных форм, а эстетическое удовольствие стало основной целью многих систем дзюдзюцу.

Таким образом, во времена Токугава с переходом воинских устремлений из боевой сферы в сферу, где первостепенное значение имело удовольствие человека, суровый воинский дух прошлого был ослаблен. Это была эпоха, когда желание защитить себя уступило желанию усовершенствовать себя. Она характеризовалась потерей воинскими искусствами (будзюцу) своего бывшего значения и развитием и ростом престижа воинских путей (будо).

Возможность почерпнуть нечто ценное из методов классических буси была потеряна для буси Токугава во время военных кампаний бакуфу (при Сэкигахара [1600 г.], осада Осаки [1614-15 гг.] и при Симабара [1639 г.]) против так называемых тётэки,

повстанцев. В этих битвах погибли сотни тысяч классических буси, уничтоженные огнем бакуфу. После этого классические буси перестали существовать как реальная социальная сила; они превратились в небольшие, изолированные друг от друга группы людей. Классические буси снова поднимутся и обнажат свои клинки, когда политика правительства разозлит их, но результат будет не в их пользу. Тот факт, что для подавления классических буси пришлось прибегнуть к огнестрельному оружию, служит, вероятно, самой высокой похвалой их боевому искусству. Можно с уверенностью сказать, что в Японии не было другой группы воинов, которая смогла бы победить их какими-либо другими способами.

Глава третья. РАЗВИТИЕ БУДЗЮЦУ

*Что за извращение морали – хотеть отменить героизм среди людей.
Генрих фон Трейчке*

Необходимость изобретения более эффективных способов ведения боевых действий стимулировала даже самых ранних японских воинов к тому, чтобы всесторонне изучать оружие и способы его использования, но до появления класса профессиональных воинов не предпринималось практически никаких попыток стандартизации оружия или систематизации боевых искусств. Буси, выжившие в ужасных сражениях, и тем самым снискавшие уважение своих товарищей (слава легко зарабатывается на поле битвы), проделали большую часть изысканий. Начиная примерно с конца двенадцатого века и дальше, результаты таких открытий и находок систематизировались, а затем объединялись в воинские рю. Особое внимание было уделено основным видам оружия: луку и стрелам, мечу, копью и алебарде, но это не значит, что было оставлено без внимания хоть какое-нибудь оружие или метод, которые могли бы оказаться эффективными в бою. К семнадцатому веку насчитывалось примерно шестьдесят боевых систем в почти девяти тысячах формальных традициях, или рю, что само по себе довольно внушительно.

Важность воинских искусств была признана еще во времена бакуфу Камакура; тогда бакуфу тщательно отбирало лучших мастеров школ, и приглашало их работать инструкторами. Те рю, которые не хотели сотрудничать или не были выбраны бакуфу, развивались как воинские традиции частных владений.

По современным стандартам классические воинские рю имели дело с неизменными традициями, оружием и способами его боевого применения, но это постоянство, сохранявшееся вплоть до двадцатого века, является показателем непоколебимой преданности, а не неспособности изобрести, принять или перенять новые идеи.

Каждое рю развило специфические техники, которые сделали его уникальным. Такие техники считались абсолютно закрытым для непосвященных наследием рю. С течением времени из-за профессиональной зависти соперничество среди бесчисленных рю стало неизбежным. Страстное желание доказать превосходство своей традиции над остальными, сделало сражения между мастерами различных рю обычной вещью. Стремление найти более эффективные способы расправиться с врагом, спровоцировало еще более широкое распространение будзюцу.

Боевые искусства состоят из различных аспектов ведения боевых действий, как на суше, так и на воде. И хотя они уделяют основное внимание способам использования различных видов оружия (особенно меча, копья и алебарды,), будзюцу также включают в себя и вспомогательные системы, например, искусство возведения полевых укреплений, разведение сигнальных костров и даже стратегия и тактика.

Поскольку будзюцу являются символом и инструментом силы и жизнеспособности буси, то их изучение было объявлено исключительной прерогативой класса

профессиональных воинов. Простолюдины, хоть и не были абсолютно безоружными, все же не могли использовать те виды оружия, которые использовали буси, и им было запрещено изучать будзюцу.

Благодаря своему знанию прошлого, Ёритомо четко понимал две вещи. Первое - вооруженные силы, хоть они и не являются единственным средством управления нацией, никогда не следует полностью отстранять от государственных дел. И второе - преданность растет, в присутствии гордости, а мастерское владение воинским искусством порождает гордость. Ёритомо добился преданности буси потому, что сам был буси; он стрелял из лука и владел мечом наравне с лучшими из них. Он также был полностью согласен с буси в том, что каждый воин должен быть всегда готовым в случае необходимости сражаться максимально эффективно; большинство буси считали, что все остальное - это просто стремление к величию. Ёритомо требовал от своих воинов, чтобы они постоянно изучали и практиковали будзюцу.

Таким образом, долг обязывал классического буси быть эффективным бойцом, преданным своему сёгуну. Считалось, что за серьезную измену бакуфу, скорее всего, обрушит всю свою ярость, как на провинившегося лично, так и на всю группу, в которой он действует. Классический буси безоговорочно верил, что будзюцу пробудит в нем правильное мировосприятие, достойное доверия и уважения окружающих; он считал ниже своего достоинства добиваться потом того, что могло быть завоевано. Такой образ мысли стал причиной презрения буси к представителям более низких социальных слоев, которые своим потом зарабатывали средства к существованию.

Жесткие ежедневные тренировки стали отличительным знаком всех буси. Эти занятия включали тщательное изучение омотэ, внешних техник (обычно изучение омотэ занимало 3-4 года). Практикуя омотэ, буси знакомился с базовыми техниками обращения с оружием в соответствии со строгими предписаниями той воинской традиции, к которой он присоединился. Овладев основой, он переходил к более высокому уровню, окудэн, секретным учениям, которые превращали боевые способности буси в настоящее мастерство. Его успехи в бою зависели от овладения именно этой категорией техник.

Эти самые сокровенные секреты воинских рю придавали буси огромную уверенность, поскольку он знал, что когда придет время последнего испытания - сражения - он будет вооружен молниеносными рефлексам. Более того, знание большого количества технических деталей, усвоенных буси посредством практики окудэн, позволяло ему точно оценивать возможности, особенности и эффективный радиус каждого боевого действия. Он знал, например, что если вонзит свой меч в среднюю часть туловища врага хотя бы на долю дюйма, то это не позволит врагу выполнить рубящий удар сверху вниз, и, следовательно, нет абсолютно никакой опасности в том, чтобы находиться прямо под оружием врага. И наоборот, буси также знал, что если он нанесет глубокий режущий удар по обратной стороне запястья врага, пусть даже настолько сильный, что практически отсечет ему руку, враг все равно сможет продолжить свой рубящий удар сверху вниз.

Но будзюцу значило для классических буси гораздо больше. Это был своеобразный процесс воспитания, который прививал воину такие добродетели как храбрость, уверенность в себе, повиновение, дисциплина, терпение, внимательная оценка, вежливость, умеренность и скромность; приобретение всех этих качеств сопровождало развитию технических навыков. Любая попытка отдельного буси отклониться от традиции, пресекалась рю различными дисциплинарными мерами (включавших даже смертную казнь). В результате классические буси стали элитной группой воинов с наивысшим *esprit de corps* («кастовым духом»).

Будзюцу развивались и поддерживались совершенно не случайно. Боевые искусства приняли систематизированную форму благодаря тому, что буси изучали их при помощи так называемых ката, формальная последовательность движений). Ката стали, и

по сей день остаются, основным тренировочным методом всех будзюцу. Это единственный способ отработать техники будзюцу, без риска ранить или убить занимающегося.

Главным образом по экономическим причинам, но также и из соображений безопасности, мастера будзюцу традиционно использовали тренировочное оружие, изготовленное из специальных твердых пород дерева. Металлическое оружие также использовалось, но в результате ежедневных тренировок быстро приходило в негодность, в то время как деревянные его заменители были более долговечны и их замена в случае поломки стоила гораздо дешевле. Относительная безопасность деревянного оружия была еще одним очевидным преимуществом.

Тем не менее, деревянное оружие не следует воспринимать лишь как стоящий уровнем ниже заменитель металлического оружия. Во многих типах сражений они превосходят своих металлических двойников. Самый знаменитый из всех японских фехтовальщиков, Миямото Мусаси (1584?- 1645 гг.), предпочитал боккэн, или деревянный меч, просто потому, что он не ломается.

До периода Камакура воины обычно ездили на конях. Верхом на своих быстрых боевых товарищах шумная и относительно недисциплинированная толпа воинов яростно неслась в битву, в которой каждый из них зависел от единоборства один на один, решавшего дело. Воины были одеты в доспехи и вооружены луками и стрелами. Это были великолепно сконструированные, ассиметричные длинные луки с огромной дальностью выстрела. Воины также были вооружены острыми как бритва длинными мечами, называемыми тати, которые подвешивались на левом бедре на специальных похожих на пращу ремнях. Этот длинный меч носили режущей выпуклой кромкой вниз. Эта традиция требовала выхватывания меча из ножен известного под названием «от земли к небу», которое давало преимущество при использовании его верхом на коне. При Ёритомо были разработаны новые, более совершенные виды оружия, и буси стали специализироваться на определенных типах оружия; в результате тактика стала более сложной. Метательное оружие, хоть и не вышло из моды полностью, все же до некоторой степени было вытеснено рубящим и колющим оружием: яри, копьем, нагамаки или нагината, разновидности алебарды, и бо, шестом. Даже меч был модифицирован.

Великий фехтовальщик семнадцатого века Миямото Мусаси, тренирующийся с двумя боккэнами, или деревянными мечами. Он сделал знаменитым этот способ кэндзюцу, он фехтовал двумя мечами с такой ловкостью, что с ним не мог сравниться ни один другой мастер меча его времени.

И хотя карьера воина-всадника пользовалась большой популярностью среди аристократии (поскольку только богатые могли позволить себе доспехи, хороших лошадей и острые, надежные мечи), то, что показали более ранние испытания, быстро подтвердилось снова, а именно - тактика, основанная на использовании пехоты, чрезвычайно эффективна как средство завершения сражения. Длинный кавалерийский меч, с его выхватыванием «от земли к небу», оказался менее эффективным при использовании в пешем строю, чем более короткий (катана), который носился за поясом, режущей кромкой вверх. Этот меч имел подобно тати изогнутое, заточенное с одной стороны лезвие. Его можно было быстро и аккуратно выхватить способом «от неба к земле», и одним ударом легко отрубить врагу конечность или даже голову. Еще более короткий меч, вакидзаси, был похож по дизайну на катана, но предназначался для использования исключительно одной рукой. Его носили за поясом рядом с катана, в качестве вспомогательного клинка. Эти два меча – катана и вакидзаси- назывались дайсё или большой и маленький. Привилегия носить дайсё стала отличительным признаком воина.

Доспехи, которые одевались для защиты от стрел, а также рубящих и колющих ударов, для пехотинцев необходимо было модифицировать, сделать более легким и менее сковывающим, чтобы пеший воин был подвижным в бою.

Исход любой битвы зависел исключительно от тайминга (времени реагирования) и интуиции. Многим сражениям предшествовала строгая, формальная процедура, предназначенная для того, чтобы вызвать у воина, которому предстояло вступить в бой, правильное состояние сознания. Классический воин, после того, как выбирал себе противника, нараспев произносил вызов, иногда довольно длинный; делалось это главным образом для того, чтобы запугать врага: «Я Сато Сигэнобу, второй сын Масаюки, самый искусный и устрашающий кэнсин (мастер фехтовальщик) Тюдзё-рю. Я участвовал в шестнадцати боях и ни разу не получил ни одного ранения. Я заставлю тебя почувствовать острый укус моего клинка Сунэ-кири (Отсекатель голеней), бесценной реликвии моей семьи. Этим клинком мои предки убили огромное количество врагов. Теперь - приготовься умереть!»

Поскольку поле боя было местом чести, то, проговорив свой вызов, воин позволял своему противнику сделать то же самое: «Тебе не посчастливилось встретить меня, Якумицу Тадао, потомка лучших фехтовальщиков Японии. Я бесстрашный буси, который один повинен в смерти более тридцати мастеров твоего рю. Ваш неуклюжий стиль бессилен против меня. Это твой последний бой, так как я разделаюсь с тобой своим коронным ударом гяку кэса-агэ (обратный диагональный удар). Поспешь же навстречу своему року!»

После того, как бой начинался, это на самом деле превращалось в синкэн сёбу, сражение до конца. Победитель имел привилегию взять голову побежденного врага, как символ своей победы, но в основном это было своеобразной распиской, поскольку голова, принесенная командиру победителя, служила неоспоримым доказательством победы; буси мог ожидать награды, особенно если убивал какого-нибудь знаменитого воина.

Поединок между двумя воинами - поединок один на один - был характерен для раннего периода японской истории. Существовало два принципиально разных типа таких поединков: поединок на дальней дистанции и рукопашная схватка. Завязать бой с противником издали, используя метательное оружие, такое как лук и стрелы, и сойтись с ним вплотную на дистанцию, необходимую для использования меча или любого другого колюще-рубящего оружия - это совершенно разные вещи. Поэтому буси классических времен были вынуждены развивать самодисциплину, главным образом для того, чтобы контролировать свой страх. «Страх распределен» гласила старинная пословица буси, в отношении ма-ай (дистанция, на которой два воина вступают в поединок друг с другом) - с сокращением ма-ай мужество и мастерство воина должно увеличиваться.

Буси также развивали дзансин (буквально это означает «поддержание постоянной боевой готовности»), сочетание хорошей физической формы с ментальной остротой и концентрацией, обеспечивающее превосходство над противником. Без дзансин эффективное боевое мастерство невозможно. Дзансин был признаком мастера, его нельзя было подделать. Он являл собой результат бесчисленных часов тренировок и выражался в физической стойке. Посредством дзансин буси достигал должного ментального и физического состояния, которое позволяло ему доминировать над своим противником.

Ма-ай в каждой конкретной боевой ситуации различаются в зависимости от тех видов оружия, которые использует каждая из сторон. Буси должен был знать, какую занять позицию, чтобы создать условия благоприятные для себя и неблагоприятные для врага. Исходя из этого очень важного соображения, воинские рю были вынуждены стараться сохранять баланс в своей программе обучения. Каждое рю, если оно надеялось пройти испытание боем, требовало изучения широкого арсенала оружия. Буси, тренируемые подобным образом, редко сталкивались с оружием, с возможностями и недостатками которого они были бы абсолютно незнакомы. Поэтому, в дополнение к

своему основному оружию, одати (длинному мечу), каждый буси в той или иной степени владел такими видами оружия, как короткий меч, копье, алебарда, метательный нож и палка или шест.

Для того чтобы понять природу этих видов оружия, их боевое применение, и то, как буси тренировались использовать их, в последующих шести главах мы детально рассмотрим каждый из основных компонентов классического будзюцу.

Часть Вторая. ОРУЖИЕ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Глава четвертая. КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ

*Обе стороны истекали кровью.
Шекспир*

Кэндзюцу.

Само собой разумеется, что классические буси, которые жили мечом, проявляли самое глубокое уважение к этому символу и инструменту своей воинской силы. Японская мифология и обряды Синто, включая церемонию возведения императора на трон, служат ярким доказательством того, что меч был главным оружием страны и служил как военным, так и церемониальным целям.

Японцы знали технологию изготовления металлических мечей уже, по меньшей мере, во втором столетии до нашей эры. Самые лучшие мечи персонифицировались и даже обожествлялись - традиция, которая сохраняется по сей день. Им подбирали имена так же тщательно, как и людям, которые ими владели. Многие мечи были объявлены ками (сверхъестественными существами), это являлось свидетельством веры японцев в то, что эти мечи обладали божественными свойствами. Японская литература изобилует легендами о чудесных мечах, которые сами были ками и породили других ками, о мечах, которые сами по себе двигались и даже переправлялись через моря, о мечах, которые волшебным образом покидали свои ножны и защищали своего хозяина в моменты опасности, о мечах, которые в наказание за осквернение насылали болезни и смерть, а также о мечах, которые излечивали болезни и отвечали на молитвы. Даже инаугурация (возведение на императорский трон) не могла быть признана законной, если претендент не обладал Сансю но Синки, Тремя Священными Регалиями, одной из которых является самый знаменитый меч Японии, Кусанаги но Цуруги, принадлежащий императорской семье.

Развитие функционального железного меча чисто японского стиля, нихон-то, стало необходимым с появлением профессионального воина. Амакуни (около 770 г.) традиционно считается первым японским кузнецом, изготовившим меч такого типа - изогнутый и заточенный только с одной стороны. Он стал стандартным мечом, который предпочитали все воины.

После того как в распоряжении классического воина появился стандартный меч, он, по весьма понятным причинам, сделал его своим основным оружием и изобрел методы его наиболее эффективного использования. Эти методы, называвшиеся кэндзюцу, искусство меча, превратились в высшее свидетельство боевого мастерства буси. Посредством четко определенного набора дисциплин кэндзюцу каждый буси учился тому, как управляться в бою с другими видами оружия. Кэндзюцу стало эффективным способом обучения и боевой гимнастикой, тренировочным полем для «согласования глаза и руки». Кэндзюцу учило не только тому, как оценивать боевую дистанцию (ма-ай) и возможность

проведения атаки (суки), как ментально и физически подавлять своего врага (дзансин); посредством тренировок с партнером (сотай рэнсю) кэндзюцу пробуждало моральную силу, уверенность в себе и способность к импровизации в бою. Но в то же время кэндзюцу было и подготовкой к смерти; поскольку умереть достойно, с героизмом, было таким же важным вопросом воинской чести, как и победа в сражении.

Кэндзюцу учит главным образом тому, что делать с мечом после того, как он уже вытащен из ножен, и поэтому оно подразумевает агрессивное, подавляющее и угрожающее поведение. Основное оружие кэндзюцу - одати; однако, обладая соответствующим уровнем мастерства, последователи могут тренироваться с кодати, коротким мечом, и с двумя мечами (обычно один короткий и один длинный) в стиле нито (два-меча) или рёто (оба-меча).

Более двух тысяч рю включают кэндзюцу в программу своего обучения. Первое известное рю, которое развило кэндзюцу - это Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю, основанное в пятнадцатом веке Тёисае Идзасой Иэнао.

Иай-дзюцу

Классический буси воспринимал меч как неизменный символ своей профессии. Он был, как «сталь джентльмена», лучшим другом храбрости и, как «безжалостная сталь», худшим врагом вероломства. В руках кэнси (мастера фехтования) великолепно отшлифованный и отполированный клинок и убивал и исцелял. Для нации в целом меч буси был символом справедливости и страдания, созидателем и разрушителем одновременно.

Классический буси относился к своему мечу как к чему-то одновременно и универсальному, и глубоко личному, не считая его всего лишь инструментом или оружием. Классический буси верил, что его меч наделен мистическими качествами, что это разумное существо, которое может разговаривать, петь, радоваться или грустить в зависимости от ситуации. Меч стал предметом, отождествляемым с самим буси, который всегда относился к нему с бесконечной любовью, тщательно подбирая подходящее имя для своего клинка. Меч был не просто душой буси, как иногда утверждают, он был его живой душой.

Иай-дзюцу или искусство выхватывания меча из ножен, дало буси возможность развить способность одерживать победу над грубым насилием. Это искусство по сути своей защитное, оно учит способам использования меча, который еще только нужно вытащить из ножен, где он находится в состоянии покоя. Техники иай-дзюцу позволяют фехтовальщику моментально реагировать на ситуации, навязываемые ему агрессором. Критерии, по которым оценивается агрессор основаны на кобо-ити, идее, согласно которой действия нападения и защиты в основе своей одни и те же, и определить характер ответного действия практикующий иай-до должен мгновенно и в нужный момент. В отличие от кэндзюцу, иай-дзюцу обычно выполняется как одиночное упражнение (тандоку рэнсю). Оно уделяет очень большое внимание тому факту, что человек может сидеть, полусидеть или полулежать и, следовательно, быть относительно неготовым к бою.

В иай-дзюцу акцент делается на четырех стадиях механического действия мечом: нукицукэ, вытаскивание меча из ножен; кирицукэ, нанесение удара; тибури, стряхивание крови с лезвия меча; и ното, вкладывание меча в ножны. Каждая из этих стадий должна быть выполнена самым эффективным образом, и все они должны плавно переходить одна в другую, составляя единое движение, при выполнении которого должно постоянно сохраняться состояние дзансин.

Мастера иай-дзюцу традиционно используют только «живые» клинки, то есть острые как лезвия бритв; поскольку до тех пор, пока не будет использоваться настоящий

меч, невозможно будет выработать нужное ментальное отношение, необходимое для этого искусства. Поэтому, при правильном исполнении техник иай-дзюцу, человек оказывается в долях сантиметра от острого лезвия, что превращает практику этого искусства буквально в игру со смертью, которую необходимо повторять ежедневно по много раз, для того чтобы добиться мастерского уровня исполнения и поддерживать его. Опасность присутствует постоянно, независимо от того, с чем тренируется человек - с одати, как это делается обычно, или с кодати.

Более четырех сотен рю включают иай-дзюцу в программу своего обучения. Как и в случае с кэндзюцу, Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю является первой школой, разработавшей иай-дзюцу, и это исторически достоверный факт.

Содзюцу

Японская мифология приписывает сотворение японского архипелага двум божествам, которые использовали для этого подвига копье. Это иллюстрирует уважительное отношение японского народа к копью как оружию вообще, и подчеркивает тот факт, что копье было одним из самых ранних видов оружия, использовавшихся на поле боя.

Прототипы яри, или копья японского воина, были привезены на японскую землю с азиатского континента. Ни один из них не оказался удовлетворительным для классических буси. Наконечник континентального копья представлял собой полую форму; древко вставлялось в него как рука в рукавицу. Иногда при возвратном движении после сильного колющего удара такой наконечник оставался в теле жертвы. Поэтому, как только позволили металлургия и оружейная технология, классические буси изобрели наконечник, который надевался на древко при помощи длинного хвостовика, вставлявшегося в древко и надежно закреплявшегося при помощи веревки, обмотанной в несколько слоев вокруг древка. Этот тип наконечника использовался в стандартном японском оружии.

Несмотря на свою огромную боевую эффективность, копье не стало особенно популярным среди классических буси, поскольку его длина и вес были далеко не так идеальны как его сила и возможности. Обычно копье было излюбленным оружием только очень закаленных воинов. Это оружие пользовалось наибольшей популярностью после монгольского вторжения в конце тринадцатого века, когда роль пехоты значительно возросла.

Содзюцу, искусство копья, рассматривалось как высокомерное искусство, ремесло безжалостных людей, поскольку раны, нанесенные этим видом оружия, вызывали долгую и мучительную смерть. Содзюцу научило буси относиться к копью как к оружию не постоянного, а скорее случайного применения. Копье можно было использовать как верхом, так и в пешем строю. Различные модификации наконечников, имеющие дополнительные режущие поверхности, придали наконечнику с прямым лезвием новые возможности: резать, цеплять и разрывать. Хотя основная стратегия содзюцу осталась неизменной и буси главным образом тренировались точно наносить цуки, прямой колющий удар, классический воин, тренируясь с копьем, учился также устанавливать длинную боевую дистанцию (ма-ай) для того чтобы противник находился в зоне досягаемости боевой части его оружия, и наоборот, в процессе тренировок буси вырабатывал способность избегать длинной дистанции в поединке с человеком, вооруженным копьем, если сам при этом имел в своем распоряжении лишь основное свое оружие, меч.

Примерно четыреста пятьдесят рю считают необходимым включать содзюцу в свою школу. И опять Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю претендует на звание первого рю, разработавшего содзюцу.

Нагината-дзюцу

Возможно, именно ранние контакты Японии с Китаем породили идею создания похожего на алебарду оружия. Начало производства оружия такого типа исторически совпадает с появлением класса профессиональных воинов.

Изначально алебарда была оружием мужчин; это диктовалось длиной и весом оружия. Ранние образцы достигали семи и более футов в длину, а вес их зависел от количества дерева и металла. Сначала появилась нагамаки. Она состояла из длинного лезвия и короткого древка; лезвие очень походило на огромный, тяжелый, изогнутый и заточенный с одной стороны меч. Нагината отличалась от нагамаки соотношением лезвия и древка: древко всегда было значительно длиннее, чем лезвие. Лезвие нагината крепилось к древку точно также как и наконечник копья.

Нагамаки и нагината были первыми любимцами буси. Оба эти вида оружия можно было использовать как верхом, так и спешившись; часто нагамаки использовалась для того, чтобы рубить вражеским коням ноги. В двенадцатом веке, во время конфликта между кланами Тайра и Минамото нагамакии нагината доказали свою смертоносную эффективность, а когда примерно век спустя монголы напали на Японию, буси при помощи этих ужасных лезвий уничтожили огромное количество завоевателей. Позже, когда кони стали редкостью и значительно возросла роль пехоты, острые одати стали наиболее часто используемым оружием, нагамаки и нагината перешли в разряд оружия, использовавшегося только в определенных случаях.

После того как в начале семнадцатого века к власти пришел Токугава, в Японии воцарился относительный мир. Нагамаки и нагината стали символами прошлого. Но нагината, которую использовали для тренировки женщин класса буси, претерпев некоторые изменения, была практически полностью отдана женщинам, чтобы скрашивать их в основном малоподвижную жизнь.

Нагината-дзюцу, искусство алебарды, требует огромной выносливости. Это длинное, тяжелое оружие используется как прямым, так и обратным способом. Исходя из целесообразности, человек, вооруженный нагината, может использовать лезвие, древко или обратный ее конец. Владение ха-каэси, способностью быстро менять положение лезвия, позволяет воину наносить рубящие и режущие удары практически так же как мечом, но при этом добавляется преимущество в дистанции - длина древка позволяет делать это с большего расстояния. Противника, вооруженного мечом, можно атаковать, оставаясь на безопасном расстоянии от его клинка. Поэтому человек, прежде чем приступить к тренировкам с нагината, должен овладеть искусством фехтования на мечах, поскольку успешность защиты от меча зависит в основном от предвидения атаки.

Четыреста двадцать пять рю имеют отношение к нагината-дзюцу. И снова Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю первенствует в этой области.

Глава пятая. ШЕСТ И ПАЛКА

Бодзюцу

Деревянные виды оружия различной длины использовались японским народом в церемониальных и боевых целях с незапамятных времен. Даже в японской мифологии есть примеры, когда шест служил в качестве защитного оружия. Природа наградила японские острова отличным твердым деревом, которое называется каси. Шесты и палки, изготовленные из этой разновидности вечнозеленого дуба, в рукопашном бою практически невозможно сломать.

Шест никогда не вызывал бурных восторгов буси, потому что был не особенно престижным оружием; даже человек самого низкого происхождения мог изготовить его

себе. По сравнению с великолепным мечом, деревянный шест выглядел более чем скромно. Но из-за его очевидной эффективности, классические бусине могли позволить себе пренебречь изучением этого оружия.

Систематическое боевое использование шеста называется бодзюцу, искусство шеста. Бо- шест, пяти и более футов в длину, изготовленный из твердого дерева. Стандартным оружием буси был рокусяку-бо(шест длиной в шесть футов). Как защитное искусство, бодзюцу уделяет особое внимание техникам, позволяющим усмирить агрессивного фехтовальщика с мечом, но при этом можно весьма эффективно справляться и с противниками, вооруженными другими видами оружия. Технический арсенал бодзюцу состоит из различных способов нанесения ударов, блокирования, парирования и удержания. Гякутэ-ути, тычковый удар обратным хватом, является основной ударной техникой, которой должен овладеть каждый занимающийся бодзюцу. Этот удар шеста настолько силен, что может поломать металлический меч или раздробить камень.

Посредством интенсивной практики бодзюцу воин учился сохранять оптимальный ма-ай, поскольку если противнику, вооруженному мечом, удастся существенно сократить эту дистанцию, то шест становится неэффективным.

Более трехсот рю включают бодзюцу в свою программу. И здесь тоже первенство принадлежит Тэнсин Катори Синто-рю.

Дзёдзюцу

Навязчивая идея одного очень решительного воина вызвала развитие систематического использования боевой палки, оружия похожего на шест, но более короткого по длине. Мусо Гонносукэ, классический воин, тренировавшийся в базовых дисциплинах Тэнсин Катори Синто-рю, хотел стереть позор поражения, нанесенного ему Миямото Мусаси, самым искусным японским мастером меча семнадцатого века.

Результатом исканий Гонносукэ стало дзёдзюцу, или искусство палки. На самом деле это синтез характерных движений, выполняемых с другими видами оружия из арсенала классического буси. Дзёдзюцу использует дзё, палку менее пяти футов длиной, для нанесения колющих ударов (цуки) копья, рубящих ударов (уцу) меча и шеста и сметающих ударов (хараи) нагината. Эти действия, объединенные в серии быстрых движений, очень эффективны при защите от агрессора, вооруженного любым стандартным оружием бодзюцу.

Поскольку палка короче и гораздо легче, чем шест, то техники, составляющие дзёдзюцу, несколько отличаются от техник, относящихся к бодзюцу. Характерная черта дзёдзюцу, отсутствующая в бодзюцу - скорость и частота манипуляций оружием в боевой ситуации. Таким образом, дзёдзюцу является отличным способом развития ловкости.

Тэцубо-дзюцу

Одним из ранних видов оружия, занесенных в Японию с азиатского континента, был железный брус, по виду похожий на шест. Это оружие могло быть различной формы и длины, с круглым, шестиугольным или восьмиугольным поперечным сечением. Обычно брус расширялся к концу и сужался к рукояти - это облегчало манипулирование и улучшало сбалансированность оружия. Этот громоздкий инструмент редко применялся, но с появлением класса профессиональных воинов он стал важным второстепенным оружием.

Основной тип этого оружия назывался тэцубо, железный шест. Техника использования тэцубо была известна как тэцубо-дзюцу, искусство железного шеста. Поскольку огромный вес был неизбежной отличительной чертой этого грозного оружия, то только физически сильные воины могли овладеть им. Его можно было использовать

как верхом, так и в пешем строю. Облегченным вариантом тэцубо был консайбо, шест из тяжелого дерева, усиленный металлическими полосами и нередко утыканный тяжелыми железными шипами в верхней своей части.

Тэцубо-дзюцу использует огромную инерцию, развиваемую брусом, при движении по различным траекториям. Конный воин, вооруженный таким оружием, мог уверенно ввязываться в массовое сражение, поскольку он обладал огромным преимуществом – тэцубо с сокрушительной силой сметал жертвы. Ему лишь необходимо было правильно рассчитать траекторию своего тэцубо, чтобы боевое положение последнего совпало по времени с курай дори (критическим приближением к врагу). Использование тэцубо в пешем строю требовало от воина действовать своим оружием с очень большой скоростью, чтобы скрыть уязвимые места (суки) в своей защите. Если удар тэцубо приходился в ноги лошади, то он выбивал всадника из седла, после чего с ними легко расправлялись. Иногда тэцубо служил портативным тараном: им можно было разбить ворота и укрепленные пункты вражеских позиций.

Не известно, какая воинская традиция формализовала использование тэцубо, однако использование этого вида оружия стало прерогативой лишь тех воинов, которые были достаточно сильны, чтобы овладеть им.

Глава шестая. СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА

Хороший лучник известен не своими стрелами, а своим именем.

Томас Фуллер

Лук и стрелы, служившие одновременно и оружием и инструментом церемонии, упоминаются в самых ранних хрониках Японии. Раннее использование лука и стрел в Японии носило в основном церемониальный характер, но ко времени появления класса профессиональных воинов лук стал главным оружием войны. Возникли две основные традиции, одна из них специализировалась на использовании лука верхом, а вторая - на использовании его в пешем строю.

И хотя в церемониальном использовании лука и стрел можно увидеть континентальное азиатское влияние, дизайн японского лука, похоже, местный. Японский лук ассиметричен: две трети его длины возвышаются во время выстрела над лучником. Такой дизайн был разработан для того, чтобы конные воины могли использовать длинный лук, так как большая часть сражений в ранней Японии велась верхом на конях.

Основная цель кюдзюцу, искусства лука, состоит в том, чтобы сделать из воина меткого стрелка, способного эффективно действовать в бою. Это умение заключается не только в физическом овладении техникой стрельбы, но и в сбалансированном сочетании ментальных и физических качеств. В своих самых ранних формах, кюдзюцу было агрессивным боевым искусством. Но по мере уменьшения значения роли лучников, произошедшего, во-первых, из-за преобладания рукопашных сражений, а, во-вторых, из-за появления огнестрельного оружия, практическая ценность кюдзюцу стала более защитной. Тем не менее, воспитательная ценность кюдзюцу сохранилась, и оно продолжает оставаться одним из путей духовного развития.

Самое первое и важное в кюдзюцу - это овладеть югамаэ, правильной стойкой, без которой невозможно эффективное использование лука. И хотя положения для стрельбы верхом и стрельбы в пешем строю, естественно, несколько различаются, они основываются на общих принципах. Оба положения предназначены для того, чтобы установить физическое и ментальное доминирование (дзансин) стрелка над своим врагом. Это состояние должно сохраняться даже после того, как стрела выпущена. На тренировке воин выстреливает в специальную цель тысячи стрел с расстояния всего в несколько футов. И только когда его техника стрельбы становится правильной, он начинает

увеличивать дистанцию. Метод стрельбы инагаси (град) был высшим испытанием для пешего лучника. При такой стрельбе от лучника требовалось поддерживать непрерывный поток стрел в течение часа. Высшим испытанием для конного лучника было ябусамэ, священный ритуал, состоявший в стрельбе по цели на полном скаку.

Исторически пионером кюдзюцу было Нихон-рю. К пятнадцатому веку оно вдохновило основание шести других рю.

Глава седьмая. КОМБИНИРОВАННОЕ ОРУЖИЕ

Сразитесь с нами: нас двое, вас семеро. Не важно!
Траутмэн

Ниндзюцу

Необходимость в эффективном шпионаже была признана японскими воинами очень давно. Способность собирать разведанные о противнике или потенциальном противнике была неотъемлемой частью их профессии. Шпионаж был подготовкой к вооруженному столкновению на поле боя. Но хотя он применялся японскими воинами во все времена, своей наивысшей и систематической формы шпионаж достиг в период, когда страной правили классические воины.

В конечном счете, искусство военного шпионажа было названо ниндзюцу, искусство прокрадываться; представители этого искусства были названы ниндзя, «крадущиеся». Ниндзя не принадлежали к классу аристократических буси, они были представителями самого низкого социального класса - хинин(буквально «не человек»). Когда ниндзя захватывался буси, его умерщвляли самой недостойной смертью. В то же время, буси нанимали ниндзя для выполнения необходимых актов шпионажа. Дерзкие подвиги ниндзя были так разнообразны и эффектны, что многие буси сами использовали техники ниндзюцу в своих операциях. Ни один лидер бусине мог обойтись без эффективной сети шпионов, и из-за постоянного недостатка ниндзя их число обычно увеличивали за счет буси, тренированных в ниндзюцу. Это служило еще одной важной цели. Ниндзя можно было очень легко подкупить, что приводило к предательству или другим вероломным действиям в пользу любого, кто заплатит больше, чем первоначальный хозяин.

Буси обычно очень практично смотрели на изучение боевых искусств - обучение было подготовкой к эффективным боевым действиям. Однако ниндзюцу, будучи составным искусством, происходившим из различных источников, имело изрядный элемент суеверия. Посредством ниндзюцу, отдельные оккультные верования и практики были переданы буси и таким образом повлияли на будзюцу.

Помимо фантастических ловкости, скорости, выносливости и изобретательности, являвшихся результатом регулярной практики ниндзюцу, буси научились и многим другим полезным вещам. Они узнали как готовить лекарства: антисептические бальзамы, примочки и средства первой помощи, как обрабатывать и заживлять раны, а также бороться с инфекцией при помощи растений и других средств. Определенный состав, принимавшийся вместе с чаем перед отходом ко сну, служил для пробуждения буси в случае внезапной опасности. Другие составы были очень токсичны и использовались против врагов. Знание ниндзя жизни леса давало им определенные тактические преимущества. Взлетающие птицы предупреждали о притаившемся противнике; птицы всегда взлетают в том направлении, где никого нет. Звуки сверчков, цикад, некоторых других насекомых и лягушек говорили об отсутствии людей; когда такие звуки неожиданно прекращались, это означало, что поблизости крадется чужак. Буси даже научились различать слишком интенсивное жужжание moskitov, которое тоже

могло свидетельствовать о близости людей. Маскировка была очень важным вопросом. Роль комусо (бродяг-аскетов), которую очень любили ниндзя, стала стандартной маскировкой и для буси. Камуфляжи, коды и сигнальные приемы также были частично заимствованы у ниндзя. Изготовление бомб, огненных стрел и дымовых завес было еще одной частью знания, почерпнутого бусив в контактах с ниндзя. Когда буси необходимо было укрепить свое мужество, он полагался на буддистские оккультные практики, основанные на кудзи-кири (разрубании девяти символов), эзотерических положениях рук, использовавшихся ниндзя, и обладавших, по их мнению, магической силой.

Не все рю сочли необходимым формализовать свою собственную традицию ниндзюцу. На основании исторических свидетельств можно утверждать, что Тэнсин Сёдэн Каттори Синто-рю было первым рю, которое это сделало.

Кусаригама-дзюцу

Использовать ручной серп в качестве оружия - это очень старая идея. В Японии использование серпа как оружия было обусловлено тем фактом, что ранние поселенцы, занимавшиеся сельским хозяйством, использовали серп для уборки урожая. С установлением класса профессиональных воинов в дизайне серпа появились некоторые новшества, и к концу пятнадцатого века начали использовать оружие, похожее на серп, к рукояти которого была прикреплена утяжеленная цепь. Называлось это оружие кусаригама.

Существует два различных типа кусаригама. Один представляет собой оружие фермера, а второй - оружие воина. Первый характеризуется довольно коротким лезвием, похожим по форме на клюв попугая и приделанным к рукояти из твердого дерева. Серп воина на самом деле представляет собой короткий меч, приделанный к рукояти из твердого дерева. Утяжеленная цепь является составной частью обоих типов кусаригама, хотя способы соединения и крепления цепи различаются. Оружие фермерского типа не обладает той дальностью броска и той смертоносной эффективностью в ближнем бою, которыми отличается оружие воинского типа.

Кусаригама представляет собой сочетание нескольких видов оружия в одном. Это одновременно и клинковое оружие, и оружие типа палки или дубинки, и цепь. Кусаригама-дзюцу, искусство серпа и цепи - это набор защитных техник со множеством интересных разветвлений. Тот, кто использует кусаригама воинского типа, может порезать или зарубить врага обоюдоострым лезвием; пронзить его острием лезвия; запутать, болезненно связать или сделать бесполезным его оружие при помощи жесткой, не разрушаемой железной цепи; сломать кости при помощи инерции, развиваемой железным грузом на конце цепи; или оглушить рукоятью из твердого дерева. Мастерского владения кусаригама можно достичь только через много тысяч часов тренировки. Вещь первостепенной важности - это совершенствование маки, опутывания цепью оружия противника. Это действие требует, чтобы занимающийся приблизился на минимальное расстояние к атакующему противнику, например, подошел вплотную во время движения вражеского меча сверху вниз. Здесь критическое значение имеет правильная оценка ма-ай, поскольку малейшая ошибка может оказаться смертельной. Но даже помимо таких тонких моментов, все преимущества на стороне воина-специалиста, использующего кусаригама, ввиду разнообразия способов применения этого оружия.

Большинство воинов находило кусаригама очень специфическим оружием, а многие считали его использование нечестным, ввиду комбинированной природы этого оружия. Вероятно, количество времени, необходимое для овладения кусаригама, было самым главным фактором, ограничивавшим его популярность. Примерно сто рю использует кусаригама, а новаторство в этой области, по историческим свидетельствам, принадлежит Иссин-рю, основанному в пятнадцатом веке монахом по имени Дзион.

Тэссэн-дзюцу

Классические буси уделяли внимание каждому предмету, который мог бы быть использован в качестве оружия. Поэтому простой складной веер, казалось бы, самый невинный предмет, вдохновил развитие тэссэн, железного веера.

В повседневной жизни воина были моменты, когда он, по крайней мере, для постороннего взгляда, был почти беззащитен. Занимаясь домашней работой, отдыхая или посещая различные социальные мероприятия, воин был связан определенными формальностями, ограничивавшими его способность эффективно сражаться. Иногда от воина могли потребовать оставить один или оба меча у слуг хозяина. Но вооруженный тэссэн, который носился за поясом, воин никогда не был полностью безоружен. В случае необходимости он мог легко защититься предметом, который при других обстоятельствах мог показаться безобидной и вполне обычной частью одежды.

Существовало два типа тэссэн: первый тип можно было открывать, как обыкновенный веер, а второй был цельным и имел форму закрытого веера. Прочность была обязательна для обоих типов. Обычно для изготовления тэссэн использовалось железо. В открывающихся вариантах веера ребра делались из железа, и покрывались специальной бумагой, на которой было что-нибудь нарисовано, обычно это был родовой знак. Цельный тэссэн был более прочным и поэтому более популярным. Иногда для облегчения ухода за тэссэн железо заменяли твердым деревом.

По природе своей тэссэн, независимо от конструкции, при использовании его в качестве оружия, представляет собой защитное приспособление. Технически боевое применение тэссэн сводится к техникам владения короткой палкой. Для носящего с собой тэссэн основное значение имел выбор правильного сасиката (способа ношения тэссэн за поясом). Он должен был располагаться таким образом, чтобы его можно было моментально достать. Тактики, включающие использование тэссэн, строятся по большей части вокруг блоков (укэ), парирования (нагаси), удержаний (осаэ) и нанесения различных ударов (ути и цуки). Эффективность тэссэна возрастает, если использовать его в сочетании с каким-либо другим видом оружия. При использовании вместе с кодати, особенно эффективна тактика дзюдзи-домэ(перекрестного блокирования). Она вынуждает оружие противника бездействовать какую-то долю секунды, в течение которой защищающийся может провести свою контратаку.

Более сотни традиций формализовало использование тэссэн. На основании исторических свидетельств первая систематизация приписывается Синкагэ-рю, основанному в шестнадцатом веке.

Глава восьмая. БОРЬБА

Крепко стой, или, сражаясь, падай.

Байрон

Ёрои куми-ути

Способам борьбы, использовавшимся в бою, столько же лет, сколько и самой человеческой цивилизации на азиатском континенте; это справедливо и для Японии. В японской мифологии описаны сцены борьбы между божествами за власть над земной твердью. В девятом веке примитивные способы борьбы стали прерогативой класса воинов. Позже, когда воины получили власть над страной, эти навыки борьбы послужили основой для улучшенной системы рукопашного боя между противниками, полностью закованными в доспехи.

Борьба доминировала в системах рукопашного боя потому, что удары ногами и руками были неэффективными против оружия и доспехов. Не было ни одного классического воина, который не владел бы навыками борьбы.

Ёрои куми-ути, борьба в доспехах, является практической системой ведения боя, которая становится необходимой, когда воины, участвующие в схватке, по тем или иным причинам утрачивают свое основное оружие. Но ёрои куми-ути - это не обязательно бой без оружия. Ни одна боевая система классического будзюцу не требовала от воина быть полностью безоружным, хотя они включали в себя способы сражения при минимальном вооружении. Одним из самых полезных видов оружия для ёрои куми-ути был короткий меч, такой как кодати.

Ёрои куми-ути требовал от сражающихся особо мощного использования бедер и конечностей. Это становилось возможным благодаря ёцу-гуми - симметричному способу взаимного захвата, при котором сражающиеся удерживают друг друга, не захватывая собственно доспехи. Овладение ёцу-гуми было необходимо для эффективной борьбы в доспехах; практикуя этот захват, воин развивал равновесие, мобильность и силу, при помощи которых он мог сохраняя свою позицию, бросать врага на землю. В любой момент борьбы любой из воинов мог вытащить свой короткий меч и попытаться вонзить его в своего противника. Для этой цели на правом бедре, за поясом, носили специальный клинок, ёрои-доси; обычно его вытаскивали левой рукой. Конечно же, для того чтобы сохранять равновесие и контролировать противника, в условиях, когда одна рука вынимает из ножен клинок и втыкает его в жизненно важную точку на его теле, требовалось огромное мастерство. К тому же, воткнуть лезвие под правильным углом между пластинами вражеских доспехов было чрезвычайно сложно.

Большое количество боевых традиций уделяло большое внимание изучению ёрои куми-ути. Согласно историческим свидетельствам, первым это сделали представители Цуцуми-ходзан-рю, воинской традиции пятнадцатого века.

Ходзё-дзюцу

В ёрои куми-ути, также как и в других формах борьбы, победитель не обязательно должен был хотеть убить свою жертву. При определенных обстоятельствах было желательно брать врагов живьем. Поэтому с методами рукопашной борьбы были тесно связаны системы связывания противника.

Методы связывания врага состояли не только из наматывания веревки на жертву случайным образом. В четко разграниченной социальной структуре дофеодальной и феодальной Японии очень большое внимание уделялось тому, чтобы представителей каждого социального класса связывали строго определенным образом. Но признание социального статуса жертвы было самой незначительной причиной такой традиции. Инструменты, оружие, привычки и навыки каждого класса различались, и эти факторы играли решающую роль при выборе способа связывания различных людей. Знатного человека, воина, фермера, торговца, ремесленника, монаха и бродягу - каждого из них связывали по-разному. Анатомические различия между женщинами и мужчинами вынудили воинов изобрести различные способы связывания представителей разных полов.

Ходзё-дзюцу, или искусство связывания веревкой, включает в себя все методы, используемые для связывания и иммобилизации жертвы при помощи веревки, после того как жертва усмирена каким-либо способом. Воин развивал тэ но ути, ловкость рук - только так могло быть обеспечено эффективное связывание. Просто надежно связать жертву - было далеко не единственным требованием ходзё-дзюцу. Связывать нужно было быстро, так как часто жертва при этом по-прежнему пыталась вырваться. Поэтому ходзё-дзюцу являлось важной вспомогательной системой в составе будзюцу, полностью

зависящей от умения воина брать врага в плен и контролировать его при помощи методов борьбы. Специальную веревку, использовавшуюся в ходзё-дзюцу, все воины обычно носили как часть своей боевой экипировки. Но очень часто на поле битвы приходилось прибегать к различным ухищрениям, когда воин обнаруживал в своем распоряжении лишь сагэо, короткий кусок шнура, прикрепленный к ножнам одати, чтобы связать своего врага. Должным образом тренированный воин даже в таких условиях мог поразительно эффективно связать свою жертву.

Очень немногие классические воинские традиции игнорировали изучение ходзё-дзюцу. Исторически Такэноути-рю было первой школой, формализовавшей методы связывания.

Глава девятая. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСКУССТВА

*Сражение усиливается,
Вперед отважные,
Спешите кто к славе,
Кто к могиле.*

Томас Кэмпбэлл

Бадзюцу

Скелеты, обнаруженные в Японии, свидетельствуют о том, что лошади существовали здесь еще с доисторических времен, факт, который подтверждает и японская мифология. Даже до возникновения класса профессиональных воинов конные буси скитались по стране. Позже, когда классические воины стали решать политически проблемы, разделившие страну, верховая езда стала неотъемлемой частью программы боевой тренировки. Обладание хорошим конем являлось доказательством аристократического происхождения и этот элемент в среде воинов был важным фактором при признании лидерства.

В период Камакура распорядок дня классического воина был отражением его военной профессии. Воин подчинялся строгой дисциплине, и большую часть его времени занимала обязательная практика бадзюцу, искусства верховой езды. С помощью коня буси мог использовать свое оружие более эффективно, особенно лук, меч, копьё и нагамаки или нагината. Необходимость переходить вброд мелкие реки и переправляться через другие водные преграды привела к развитию такого направления в искусстве верховой езды, как суй-бадзюцу, или водное конное искусство.

И хотя каждый буси согласился бы с тем, что именно его меч, а не конь, обычно спасает ему жизнь в бою, тем не менее, кихонам, основам верховой езды, уделялось самое пристальное внимание. Нориката, правильная посадка, предшествовала всем остальным видам тренировки. Попав в седло, буси начинал понимать необходимость развития поясницы, которая позволяла бы часами сохранять положение, необходимое для быстрой езды, а также развития ягодичных мышц, обеспечивающих прочную посадку, без которой невозможно скакать, отпустив поводья, и одновременно применять оружие.

Согласно историческим записям, Оцубо-рю пятнадцатого века впервые систематизировало бадзюцу; впоследствии это привело к развитию более пятидесяти различных традиций.

Ядомэ-дзюцу.

Воины, которые постоянно сталкивались со смертоносным градом стрел, естественно, пытались найти приспособления, за которыми можно было бы укрыться. Для

этой цели японские воины изготавливали и использовали большие переносные щиты. Но их применение было довольно ограничено. В основном они использовались во время осад, в местах сосредоточения войск, а также во время развертывания, перегруппировки и других тактических маневров. Японский воин в битве не пользовался щитом (он считался оружием трусов), к тому же техники использования основных видов оружия воина делали щит непрактичным.

Поскольку воин не имел никаких приспособлений, которые защищали бы его от града вражеских стрел во время развертывания войск перед боем, то для этой цели приходилось прибегать к различным средствам. Первым средством был кабуто (шлем) воина. Неся шлем в левой руке перед собой, воин, искусно манипулируя им, мог отражать летевшие в него стрелы. Но гораздо более распространенным был способ, требовавший использования меча. Вооруженный одним или двумя мечами, воин спокойно становился под атаку врага и отбивал стрелы клинками.

Ядомэ-дзюцу, искусство отбивания стрел, стало важной частью боевой подготовки классического воина. Тренировка в ядомэ-дзюцу развивала острое зрение, сверх быстрые рефлексы и абсолютную уверенность в себе. Решающее значение имела боевая стойка (камаэ) - она должна была быть правильной, если воин хотел отбить стрелу в полете. Способность безошибочно определять ма-ай также была очень важна. Степень сложности отбивания летящих с огромной скоростью стрел изменялась обратно пропорционально дистанции между целью и лучником. Дзансин имел в ядомэ-дзюцу первостепенное значение, поскольку малейшая ошибка в стойке и концентрации могла привести к смерти. Стрелы, которые летели в направлении воина, но не угрожали ему, нужно было игнорировать; внимание воина должно было концентрироваться только на тех стрелах, которые были нацелены прямо в него.

Одной из первых традиций, формализовавшей ядомэ-дзюцу было Манива Нэн-рю семнадцатого века.

Суйэй-дзюцу

Первобытный человек поборол свой природный страх воды, изобретя средства, позволившие ему держаться на ее поверхности и плавать. Вода была неотъемлемой частью японской жизни; Япония окружена морями, и во всех ее районах можно обнаружить множество рек, ручьев, озер и прудов. В японской мифологии упоминается плавание, и ранние японские воины считали умение плавать большим преимуществом. Поэтому, с появлением класса воинов, боевое плавание превратилось в очень высокоразвитое искусство.

Топографические различия, влиявшие на глубину и течение рек и моря, стали причиной возникновения среди воинов различных стилей плавания. Техники плавания по поверхности воды и под водой стали развиваться благодаря разнице в глубине водоемов; быстрые и извилистые водоемы диктовали свои технические особенности плавания.

Боевое плавание служило различным целям: оно давало воину возможность плыть тихо, если нужно было подобраться к врагу, а также позволяло очень долгое время оставаться на плаву. Благодаря своему мастерству в плавании, воин мог пересекать сильное течение или вообще плыть против него; плыть в полном боевом снаряжении; переправлять на себе знамена, оружие и тяжелый груз; а также использовать свой лук или огнестрельное оружие, находясь практически полностью под водой. Воины также изобрели способы борьбы в воде; они даже практиковали приемы, позволявшие побороть врага во время совместного с ним падения с корабля в воду. Другие стили боевого плавания учили воинов выпутываться из водных растений и водорослей, спутывавших руки и ноги, выбираться из водоворотов, и даже запрыгивать из воды в лодку.

Суйэй-дзюцу, искусство плавания, состоит из таких базовых элементов, как фуми-аси, хождение в воде - техника, являвшаяся основой многих боевых навыков воина в воде, инатоби, «прыжок кефали» - техника позволявшая воину выпрыгивать из воды, асигарами- техника борьбы в воде, позволявшая воину с такой силой обвивать ноги противника, что тот сдавался или тонул, и секретная техника сюсоку-гарами, наделявшая воина способностью плыть со связанными руками и ногами. Почти все классические воины тщательно практиковали боевое плавание.

Синдэн-рю шестнадцатого века претендует на звание первой воинской традиции, формализовавшей боевое плавание.

Эпилог. КЛАССИЧЕСКИЕ БУДЗЮЦУ СЕГОДНЯ

Хотя классические будзюцу были созданы для особого класса феодального общества, было бы ошибкой считать, что эти дисциплины устарели или предназначены только для японцев. Сегодня, в двадцатом веке, многие рю классических будзюцу продолжают функционировать. Современная роль этих рю - своеобразное хранилище верований, традиций и практик, помогающих современному человеку в его поиске путей улучшения взаимоотношений со своими ближними.

Одна из основных причин того, почему классическим рю удалось сохранить свою жизнеспособность, заключается в том, что центральным принципом их существования было нака-има, «здесь и сейчас», «вечное настоящее». Поэтому, вопреки всеразрушающему воздействию времени, классические воинские дисциплины изменились весьма незначительно, и по форме, и по содержанию. Но есть несколько важных моментов, которые необходимо понять тем, кого привлекают классические воинские дисциплины, и кто хочет ими заниматься.

Классические будзюцу недоступны широким массам, и это в равной степени относится, как к японцам, так и к не-японцам, по той простой причине, что люди, занимающие в рю руководящее положение, при отборе кандидатов руководствуются критериями качества, а не количества. Члены классических рю обладают врожденным чувством долга, равно как и сильным чувством подлинного братства, очень похожим на родственные чувства между членами семьи. Они пребывают в таком состоянии сознания, в котором служение прошлому воспринимается как акт благодарности настоящему, а также как чувство ответственности за то, что появится в будущем.

Все современные представители классических будзюцу твердо убеждены в том, что выбранный ими образ жизни, применим к условиям современной жизни, и нет никакой необходимости менять дисциплины, которые они практикуют. Это консервативные люди, противостоящие переменам, навязываемым модой; они делают это посредством изоляции своих рю от вредного влияния идей, которые противоречат ценностям и нормам классического воина. Современный представитель будзюцу непоколебим в своей уверенности в том, что человеку в любом возрасте стоит использовать особые навыки для достижения самодисциплины, развивать самоуважение, следуя кодексу чести, вести простой образ жизни, чтобы достичь крепкого ментального и физического здоровья и воспитывать в себе чувство сотрудинчества с другими членами общества.

Кандидат, желающий вступить в рю классических будзюцу, должен понять, что получение членства в рю на самом деле является способом установления контакта с важным аспектом японского национального духа. До тех пор, пока кандидат не примет интересы рю близко к сердцу и не начнет всем сердцем их поддерживать, до тех пор, пока он не приобретет и не начнет проявлять глубокого уважения к японским верованиям и традициям, ни одно классическое рю его не примет.

Кандидат должен быть представлен и рекомендован главе того рю, в которое он хочет войти. Это формальности, которых никак нельзя избежать. Но даже после завершения предварительных формальностей от кандидата могут потребовать пройти испытательный срок, в течение которого будут тщательно изучаться его мотивации и пригодность к изучению воинских дисциплин. Здесь уместно сказать несколько слов о личных данных кандидата. Современные представители рю классических будзюцу обычно являются потомками самых знаменитых воинских семей Японии, или букэ. Соответственно, они отдают предпочтение кандидатам со сходной родословной. Кандидаты, которые имеют отношение к военным или правоохранным профессиям, также приветствуются. И, наконец, те, кто, не зависимо от своего происхождения или рода занятий, симпатизирует образу жизни классического воина, обычно считаются подходящими кандидатами. От всех кандидатов требуется такой склад ума и мировоззрение, которые демонстрировали бы целостность личности. Такие черты характера, как мужество, честь, преданность, эмоциональная уравновешенность, следование авторитетам, чувство национальной гордости и добровольное подчинение жесткой дисциплине считаются обязательными.

После принятия в члены классического рю, новичок (ньюмонся) перед тем как приступить к занятиям, должен дать клятву кровью (кэппан). Вся начальная тренировка основывается на суровых физических упражнениях. Непосредственно столкнувшись с различными видами оружия и методами его использования, тренирующийся быстро начинает понимать, что классические будзюцу это не нечто такое, о чем можно просто разговаривать или чем можно заниматься поверхностно, скорее это нечто, что можно прочувствовать во всей полноте только в результате личного опыта, накапливаемого посредством практики. Понимание того, что он делает, заключается не в мыслях или словах, не в том, что он может постичь интеллектуально, а в процессе «схватывания», в спонтанности личного опыта. Несмотря на физическую природу тренировки, занимающийся должен быть готов к тому, что ему придется заново формировать свое сознание. И помимо навыков владения оружием, для него станут измеримыми и очевидными те глубина и полнота, которых достигает человек в своих занятиях воинскими искусствами после достаточно продолжительной практики; и к нему придут внутренний мир и спокойствие.

Занятия классическими воинскими искусствами - это уникальная возможность для каждого человека попробовать свои силы. Независимо от того, какое личное удовлетворение и техническое мастерство приносят занятия такими современными дисциплинами, как кэндо, каратэ-до или айки-до, всем их последователям стоит подумать о том, чтобы заняться настоящими классическими воинскими искусствами. Но и те, у кого нет никакого опыта в современных видах будзюцу, ни в коем случае не должны приходить в уныние и отказываться от изучения классических воинских искусств.

Самое важное для всех, кто намеревается заняться классическими будзюцу, учиться только у квалифицированных и имеющих дипломы инструкторов. В Японии это довольно просто осуществить, но на Западе ситуация сложилась удручающая. Лишь немногие квалифицированные инструктора живут за пределами Японии. К сожалению, есть ряд людей, как японцев, так и не-японцев, которые заявляют о том, что являются инструкторами классических дисциплин; вооруженные поддельными дипломами, они пользуются неспособностью обычных людей распознать некомпетентного преподавателя. К тому же человек, который интересуется классическими воинскими искусствами, может перепутать эти дисциплины с их двойниками, классическими воинскими путями, будо, (этот предмет мы оставим для обсуждения в последующем томе).

Для того чтобы помочь всем заинтересовавшимся читателям найти компетентного инструктора классических будзюцу, ниже мы приводим название и адрес японской национальной организации, которая располагает информацией обо всех классических рю

в Японии. Все запросы, касающиеся классических дисциплин, следует отправлять в эту организацию, по адресу: Кобудо Синкокай 3, Кодзимати 6-тёмэ Тиёда-ку, Токио 102 (Kobudo Shinkokai 3, Kojimachi 6-chome Chiyoda-ku, Tokyo 102).